ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ

(ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

*

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1948

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ

(ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

*

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1948

Scan By Vitautus

В конце января Государственный Департамент Соединённых Штатов Америки в сотрудничестве с английским и французским Министерствами Иностранных Дел опубликовал сборник донесений и различных записей из дневников гитлеровских дипломатических чиновников, снабдив этот сборник таинственным заглавием «Нацистско-советские отношения 1939—1941 г.г.».

Как видно из предисловия к этому сборнику, Правительства США, Великобритании и Франции ещё летом 1946 г. договорились между собой об опубликовании захваченных в Германии американскими и английскими военными властями архивных материалов германского министерства иностранных дел за 1918—1945 годы. Обращает на себя внимание при этом то обстоятельство, что в опубликованный сборник оказались включёнными лишь материалы, относящиеся к 1939—1941 годам, материалы же, относящиеся к предшествующим годам и, в частности, к мюнхенскому периоду, в сборник Государственным Департаментом не включены и, таким образом, скрыты от мирового общественного мнения. Это, конечно, не случайно и преследует цели, не имеющие ничего общего с объективным и добросовестным отношением к исторической правде.

Чтобы как-нибудь оправдать в глазах общественного мнения одностороннее опубликование этого сборника непроверенных и произвольно надёрганных записей гитлеровских чиновников, англо-американская печать пустила в ход выдуманное объяснение, будто «русские отвергли предложение запада совместно опубликовать полный отчёт о нацистской дипломатии».

Это заявление англо-американских кругов **не соответствует действительности.**

В действительности, дело обстояло так. Советское Правительство, в связи с появившимися летом 1945 года в иностранной печати сообщениями о начавшейся в Англии подготовке к опубликованию трофейных документов, захваченных в Германии, обратилось к Правительству Великобритании, настаивая на том, чтобы советские эксперты участвовали в совместной разработке немецких материалов, захваченных англо-американскими войсками. Советское Правительство считало недопустимым издание таких документов без общего согласования и, вместе с тем, не могло взять на себя ответственность за опубликование документов без тщательной и объективной проверки, так как опубликование указанных материалов без этих элементарных условий могло бы только привести к ухудшению отношений между государствами — членами антигитлеровской коалиции. Однако английское Министерство Иностранных Дел **отклонило советское предложение,** сославшись на то, что постановка Советским Правительством вопроса об обмене копиями захваченных гитлеровских документов является преждевременной.

Известно также, что 6 сентября 1945 года американская делегация в Политическом Директорате Контрольного Совета в Германии представила свой проект директив об обращении с германскими архивами и до-

кументами. Этот проект предусматривал установление единого для всей Германии порядка сбора и хранения архивов, а также права доступа к ним представителей государств, входящих в Организацию Объединённых Наций. Предусматривалась также возможность снятия копий с документов и их издание. Это предложение рассматривалось на четырёх заседаниях Политического Директората, но по просьбе англичан и американцев было отложено под предлогом отсутствия у них указаний, а затем после заявления американского представителя, что Правительство США готовит новое предложение и просит представленный проект считать недействительным, вопрос с повестки дня Политического Директората был снят.

Таким образом, заявление, что якобы Советское Правительство отказалось от участия в подготовке публикации германских архивных материалов, является **ложным.**

Одновременно с опубликованием упомянутого выше сборника в Соединённых Штатах и зависимых от них странах, как по мановению волшебной палочки, поднялась новая волна травли и разнузданной клеветнической кампании по поводу заключённого в 1939 году между СССР и Германией пакта о ненападении, якобы направленного против западных держав.

Таким образом, подлинная цель опубликования в США сборника об отношениях между СССР и Германией в 1939—1941 годах не вызывает никаких сомнений. Эта цель заключается не в том, чтобы дать объективное изложение исторических событий, а в том, чтобы исказить действительную картину событий, оболгать Советский Союз, оклеветать его и ослабить международное влияние Советского Союза, как подлинно демократического и стойкого борца против агрессивных и антидемократических сил.

Такая вероломная позиция соответствует взглядам на характер межсоюзнических отношений, типичным для правящих кругов англо-американских стран и заключающимся в том, что вместо честных и искренних отношений между союзниками, их взаимного доверия и поддержки, проводится политика использования всяких возможностей вплоть до клеветы — для ослабления своего союзника, для использования его в своих узких интересах и укрепления своего положения за его счёт.

Нельзя также упускать из виду стремление правящих кругов США своей клеветнической кампанией против СССР подорвать влияние прогрессивных элементов в своей стране, стоящих за улучшение отношений с СССР. Удар по прогрессивным элементам в США имеет, несомненно, при этом своей целью ослабить их влияние, ввиду предстоящих осенью 1948 года выборов нового Президента США.

Сборник насыщен документами, состряпанными гитлеровскими дипломатическими чиновниками в дебрях немецких дипломатических канцелярий. Уже одно это обстоятельство должно было бы предостеречь от одностороннего использования и опубликования документов, отличающихся односторонностью и тенденциозностью, излагающих события с позиций гитлеровского правительства и преследующих цель дать этим событиям благоприятное для гитлеровцев освещение. Именно поэтому Советское Правительство было в своё время против одностороннего опубликования трофейных германских документов без предварительной и тщательной совместной их проверки. Даже французское правительственное агентство Франс Пресс вынуждено признать, что порядок публикации материалов, преданных гласности тремя Правительствами без ведома Советского Союза, «не совсем соответствует нормальной дипломатической процедуре».

Тем не менее, английское Правительство не согласилось с этим. Американское, английское и французское Правительства пошли на одностороннее опубликование немецких документов, не останавливаясь перед фальсификацией истории, пытаясь оклеветать Советский Союз, вынесший на своих плечах основную тяжесть борьбы против гитлеровской агрессии.

Тем самым эти Правительства взяли на себя всю ответственность за последствия такого одностороннего акта.

Ввиду такого обстоятельства Советское Правительство считает себя вправе, в свою очередь, опубликовать те секретные документы об отношениях между гитлеровской Германией и Правительствами Англии, Франции и США, которые попали в руки Советского Правительства и которые скрыли эти Правительства от общественного мнения. Они скрыли эти документы, не хотят их публиковать. Но мы считаем, что эти документы, после всего случившегося, должны быть преданы гласности, чтобы можно было восстановить историческую правду.

Советское Правительство располагает важной документацией, захваченной советскими войсками при разгроме гитлеровской Германии, опубликование которой поможет правильно осветить действительный ход подготовки и развития гитлеровской агрессии и второй мировой войны.

Этой же задаче служит и публикуемая ныне Советским Информационным Бюро при Совете Министров СССР историческая справка «Фальсификаторы истории».

Относящиеся к этому вопросу секретные документы будут опубликованы в ближайшее время.

I.
КАК НАЧАЛАСЬ ПОДГОТОВКА НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИИ

Американские фальсификаторы и их англо-французские пособники пытаются создать впечатление, будто подготовка германской агрессии, вылившаяся во вторую мировую войну, началась с осени 1939 года. Но кто в наши дни, кроме совсем наивных людей, готовых поверить в любую дутую сенсацию, может попасться на эту удочку? Кто не знает, что Германия начала подготовку войны сразу же после прихода Гитлера к власти? Кто не знает далее, что гитлеровский режим был создан германскими монополистическими кругами с полного одобрения правящего лагеря Англии, Франции и Соединённых Штатов?

Для того, чтобы подготовиться к войне и обеспечить себя новейшим вооружением, Германия должна была восстановить и развить свою тяжёлую индустрию и, прежде всего, металлургию и военную промышленность в Руре. После поражения в первой империалистической войне Германия, находившаяся под гнётом Версальского договора, не могла этого сделать в короткий срок своими силами. Германский империализм получил в этом мощную поддержку со стороны Соединённых Штатов Америки.

Кто не знает, что американские банки и тресты, действуя в полном согласии с Правительством, в послеверсальский период вложили в германскую экономику и предоставили Германии кредиты, исчисляемые миллиардами долларов, которые пошли на восстановление и развитие военно-промышленного потенциала Германии.

Известно, что послеверсальский период ознаменовался для Германии целой системой мероприятий, направленных на восстановление германской тяжёлой индустрии, в частности, германского военно-промышленного потенциала. Громадную роль в этом деле сыграл так называемый репарационный план Дауэса для Германии, при помощи которого США и Англия рассчитывали поставить германскую промышленность в зависимость от американских и британских монополий. План Дауэса расчистил путь для усиленного притока и внедрения в германскую промышленность иностранного, преимущественно американского, капитала. В результате уже с 1925 года начался подъём германского хозяйства, обусловленный интенсивным процессом перевооружения производственного аппарата. Вместе с тем резко возрастал германский экспорт, достигший к 1927 году уровня 1913 года, а в отношении готовых изделий даже превысивший этот уровень на 12 проц. (в ценах 1913 года). За 6 лет, с 1924 года по 1929 год, прилив иностранного капитала в Германию составил свыше 10—15 млрд. марок долгосрочных вложений и свыше 6 млрд. марок краткосрочных вложений. По некоторым источникам, объём капиталовложений был значительно больше. Это привело к гигантскому усилению экономического и, в частности, военного потенциала Германии. В этом деле ведущее значение принадлежало американским капиталовложениям, составлявшим не менее 70 проц. суммы всех долгосрочных займов.

Хорошо известна роль, которую сыграли в финансировании германской тяжёлой индустрии, в создании и расширении теснейших связей между американской промышленностью и германской промышленностью американские монополии во главе с семьями Дюпонов, Морганов, Рокфеллеров, Ламонтов и других индустриальных магнатов США. Ведущие американские монополии оказались теснейшим образом связанными с германской тяжёлой индустрией, военными концернами и банками. Ведущий американский химический концерн «Дюпон — Де Немур», являвшийся одним из крупнейших акционеров автомобильного треста «Дженерал Моторс», и британский имперский химический трест («Империал Кемикл Индастрис») находились в тесных промышленных отношениях с германским химическим концерном «И. Г. Фарбениндустри», с которым в 1926 году заключили картельное соглашение о разделе мировых рынков сбыта пороха. Председателем правления фирмы «Ром и Хаас» в Филадельфии (США) до войны был компаньон главы этой фирмы в Дармштадте (Германия). Кстати сказать, сейчас бывший директор этого концерна Рудольф Мюллер подвизается в «Бизонии» и играет видную роль в руководящих кругах христианско-демократического союза (ХДС). В период между 1931 и 1939 годами немецкий капиталист Шмитц, председатель концерна «И. Г. Фарбениндустри» и член Совета «Дейче Банк», контролировал американскую фирму «Дженерал Дейстаф Корпорейшен». После мюнхенской конференции (1938 г.) американский трест «Стандарт Ойл» заключил договор с «И. Г. Фарбениндустри», согласно которому последний получил участие в прибылях с производимого в США авиационного бензина, взамен этого легко отказавшись от вывоза из Германии своего синтетического бензина, запасы которого Германия накапливала тогда для военных целей.

Такие связи характерны не только для американских капиталистических монополий. Теснейшие экономические отношения, имеющие не только коммерческое, но и военное значение, существовали, например, перед самой войной между Федерацией британской промышленности и германской имперской промышленной группой. Представители этих двух монополистических объединений опубликовали в 1939 году в Дюссельдорфе совместное заявление, в котором, между прочим, говорилось, что целью соглашения является «стремление обеспечить возможно более полное сотрудничество промышленных систем их стран». И это было в дни, когда гитлеровская Германия поглотила Чехословакию! Не удивительно, что по этому поводу лондонский журнал «Экономист» писал: «Нет ли в атмосфере Дюссельдорфа чего-то, заставляющего разумных людей терять рассудок?» [1]

Характерным примером тесного переплетения американского и германского капиталов, а также английского капитала может служить известный банк Шредера, в котором руководящую роль играл германский Стальной трест — «Ферейнигте Штальверке», организованный Стиннесом, Тиссеном и другими промышленными магнатами Рура, с центрами в Нью-Йорке и Лондоне. В делах этого банка играл ведущую роль Аллен Даллес, директор лондонских, кёльнских и гамбургских Шредеров в Нью-Йорке — фирмы «И. Г. Шредер Бэнкинг Корпорейшен». В нью-йоркском центре этого банка играла ведущую роль известная адвокатская фирма «Салливан энд Кромвел», возглавляемая Джоном Фостером Даллесом, нынешним главным советником г-на Маршалла, и тесно связанная с мировым нефтяным рокфеллеровским трестом «Стандарт Ойл», а также с самым мощным банком Америки

[1] *Корвин Д. Эдвардс*, Международные картели в экономике и политике, 1947.

«Чейз Нешенел Бэнк», вкладывавшими в германскую промышленность огромные капиталы.

В вышедшей в Нью-Йорке в 1947 году книге Р. Сесюли подчёркивается, что как только в Германии в послеверсальский период была остановлена инфляция и марка укрепилась, иностранные займы буквально хлынули потоком в Германию. В период между 1924 и 1930 годами иностранный долг Германии увеличился более чем на 30 млрд. марок.

С помощью иностранного, главным образом, американского капитала германская промышленность, особенно «Ферейнигте Штальверке» (немецкая фирма), была широко реконструирована и модернизирована. Некоторые займы шли непосредственно фирмам, игравшим главную роль в перевооружении [1].

Одновременно с англо-германо-американским банком Шредера в финансировании германского Стального треста «Ферейнигте Штальверке» в эти годы руководящую роль играл один из крупнейших нью-йоркских банков Диллон Рид энд К°, в числе директоров которого в течение ряда лет состоял нынешний министр обороны Форрестол [2].

Вот этот золотой дождь американских долларов оплодотворил тяжёлую промышленность гитлеровской Германии и, в частности, военную промышленность. Это миллиарды американских долларов, вложенных заокеанскими монополиями в военную экономику гитлеровской Германии, воссоздали германский военный потенциал и вложили в руки гитлеровского режима оружие, необходимое для осуществления его агрессии.

---

[1] Richard Sasuly, «I. G. Farben», Boni and Gaer, New York, 1947, p. 80.

[2] Stock Exchange Year Book, London, 1925; Who's Who in America; Who's Who in Finance, Banking and Insurance; Moody's Manual of Railroads and Corporation Securities; Poor's Manual, 1924—1939.

В короткий срок, опираясь на финансовую поддержку, главным образом американских монополий, Германия воссоздала мощную военную промышленность, способную производить в огромных количествах первоклассное вооружение, многие тысячи танков, самолётов, артиллерийских орудий, военно-морских кораблей новейшего типа и другие виды вооружения.

Всё это хотелось бы забыть фальсификаторам истории, пытающимся уйти от ответственности за свою политику, вооружившую гитлеровскую агрессию, развязавшую вторую мировую войну и приведшую к невиданной ещё в истории военной катастрофе, стоившей человечеству миллионов и миллионов жертв.

Таким образом, нельзя забывать, что первой и важнейшей предпосылкой гитлеровской агрессии было возрождение и обновление тяжёлой промышленности и военной индустрии Германии, что стало возможным лишь в силу прямой и широкой финансовой поддержки правящих кругов Соединённых Штатов Америки.

Но это не всё.

Другим решающим обстоятельством, содействовавшим развязыванию гитлеровской агрессии, явилась политика правящих кругов Англии и Франции, которая известна как политика «умиротворения» гитлеровской Германии, политика отказа от коллективной безопасности. Теперь всем должно быть ясно, что именно эта политика англо-французских правящих кругов, которая выражалась в отказе от коллективной безопасности, в отказе от отпора немецкой агрессии, в потакании агрессивным требованиям гитлеровской Германии, — привела ко второй мировой войне.

Перейдём к фактам.

Уже вскоре после прихода Гитлера к власти, в результате усилий английского и французского

Правительств, в 1933 году был в Риме подписан «Пакт согласия и сотрудничества» четырёх держав — Великобритании, Германии, Франции и Италии. Этот пакт означал сговор английского и французского Правительств с германским и итальянским фашизмом, уже тогда не скрывавшим своих агрессивных намерений. Вместе с тем этот пакт с фашистскими государствами означал отказ от политики укрепления единого фронта миролюбивых держав против агрессивных государств. Сговариваясь с Германией и Италией, в обход остальных держав — участниц происходившей тогда конференции по разоружению, обсуждавшей советское предложение заключить пакт о ненападении и пакт об определении нападающей стороны, — Великобритания и Франция нанесли удар по делу обеспечения мира и безопасности народов.

Вслед за тем в 1934 году Англия и Франция помогли Гитлеру использовать враждебную позицию союзной с ними панской Польши в отношении СССР, в результате чего был заключён германо-польский пакт о ненападении, явившийся одним из серьёзных этапов в подготовке немецкой агрессии. Этот пакт нужен был Гитлеру для того, чтобы расстроить ряды сторонников коллективной безопасности и показать на этом примере, что Европа нуждается не в коллективной безопасности, а в двухсторонних соглашениях. Это давало возможность немецкой агрессии самой решать, с кем и когда заключать соглашение, на кого и когда произвести нападение. Несомненно, что немецко-польский пакт был первой серьёзной брешью в здании коллективной безопасности.

Осмелев, Гитлер принял ряд мер к открытому восстановлению вооружённых сил Германии, что не вызвало никакого противодействия со стороны английских и французских правителей. Наоборот, вскоре, в 1935 году,

в Лондоне, куда прибыл для этого Риббентроп, было заключено англо-германское морское соглашение, в силу которого Великобритания согласилась на восстановление германских военно-морских вооружённых сил в объёме, почти равном французскому военному флоту. Кроме того, Гитлер получил право строить подводные лодки общим тоннажем, равным 45 проц. британского подводного флота. К этому же периоду относятся и односторонние акты гитлеровской Германии, направленные на ликвидацию всяких других ограничений роста вооружённых сил Германии, установленных Версальским договором, не встретившие со стороны Англии, Франции и США никакого противодействия.

Аппетиты фашистских агрессоров разыгрывались с каждым днём, при явном попустительстве со стороны США, Великобритании и Франции. Не случайно, разумеется, в это время и Германии и Италии легко сходили с рук их военные интервенции в Абиссинии и Испании.

Только Советский Союз последовательно и твёрдо проводил свою политику мира, отстаивая принципы равноправия и независимости Абиссинии, являвшейся к тому же членом Лиги Наций, и право законного республиканского Правительства в Испании на поддержку со стороны демократических стран против немецко-итальянской интервенции.

«Советский Союз, — говорил В. М. Молотов на Сессии ЦИК Союза ССР 10 января 1936 года по поводу нападения Италии на Абиссинию, — продемонстрировал в Лиге наций свою верность этому принципу, принципу государственной независимости и национального равноправия всех государств, на примере одной из малых стран — Абиссинии. Советский Союз использовал также своё участие в Лиге наций,

для того чтобы на практике проводить свою линию в отношении империалистического агрессора» [1].

В. М. Молотов говорил тогда, что

«итало-абиссинская война показывает, что угроза мировой войны всё больше нарастает, всё больше захватывает Европу» [2].

Что же делали в это время Правительства США, Великобритании и Франции, на глазах у которых фашистские разбойники всё более и более нагло расправлялись со своими жертвами? Они пальцем не пошевелили, чтобы обуздать германского и итальянского агрессоров, чтобы защитить попираемые права народов, чтобы сохранить мир и остановить надвигавшуюся вторую мировую войну.

Только Советский Союз делал всё, что было возможно, чтобы преградить путь фашистским агрессорам. Советский Союз выступил инициатором и поборником коллективной безопасности. Ещё 6 февраля 1933 года в Генеральной Комиссии по разоружению представитель Советского Союза М. М. Литвинов предложил принять декларацию об определении агрессии и нападающей стороны. Предлагая дать определение нападающей стороны, Советский Союз исходил из необходимости, в интересах всеобщей безопасности и облегчения соглашения о максимальном сокращении вооружений, определить возможно более точным образом понятие **«нападение»**, чтобы «предупредить всякий предлог к его оправданию». Однако это предложение было отклонено конференцией, действовавшей под руководством Англии и Франции, — в угоду немецкой агрессии.

Всем известна настойчивая и длительная борьба Советского Союза и его делегации в Лиге Наций под пред-

[1] *В. М. Молотов,* Статьи и речи, 1935—1936, стр. 176.

[2] Там же, стр. 177.

седательством М. М. Литвинова за сохранение и укрепление коллективной безопасности. В течение всего предвоенного периода отстаивала советская делегация в Лиге Наций принцип коллективной безопасности, подымая свой голос в защиту этого принципа почти на каждом заседании Лиги Наций, почти в каждой комиссии Лиги Наций. Но, как известно, голос советской делегации остался голосом вопиющего в пустыне. Всему миру известны предложения советской делегации о мерах укрепления коллективной безопасности, направленные по поручению Советского Правительства генеральному секретарю Лиги Наций г. Авенолю 30 августа 1936 года, с просьбой обсудить эти предложения в Лиге Наций. Но известно также и то, что эти предложения были похоронены в архивах Лиги Наций, не получив никакого движения.

Было ясно, что Англия и Франция, которые руководили тогда Лигой Наций, отказываются от коллективного отпора немецкой агрессии. Отказываются же они от коллективной безопасности потому, что она мешает им проводить усвоенную ими новую политику «умиротворения» немецкой агрессии, политику уступок гитлеровской агрессии. Конечно, такая политика не могла не повести к усилению немецкой агрессии, но англо-французские правящие круги считали, что это не опасно, так как, удовлетворив гитлеровскую агрессию уступками на Западе, можно было направить её потом на Восток и использовать её в качестве орудия против СССР.

В отчётном докладе на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года, объясняя причины усиления гитлеровской агрессии, И. В. Сталин говорил:

«Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего, Англии и Франции от политики коллективной безопасности, от

политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета» [1].

Чтобы запутать читателя и одновременно оклеветать Советское Правительство, американский корреспондент Нил Стэнфорд утверждает, что Советское Правительство стояло против коллективной безопасности, что М. М. Литвинов был смещён с поста Наркоминдела и заменён В. М. Молотовым потому, что он проводил политику укрепления коллективной безопасности. Трудно представить что-либо более глупое, чем это фантастическое утверждение. Понятно, что М. М. Литвинов проводил не свою личную политику, а политику Советского Правительства. С другой стороны, всем известна борьба Советского Правительства и его представителей, в том числе М. М. Литвинова, за коллективную безопасность в течение всего предвоенного периода.

Что касается назначения на пост Народного Комиссара Иностранных Дел В. М. Молотова, то совершенно ясно, что в сложной обстановке подготовки фашистскими агрессорами второй мировой войны, при прямом попустительстве и подталкивании агрессоров на войну против СССР со стороны Великобритании и Франции, за спиной которых стояли Соединённые Штаты Америки, необходимо было иметь на таком ответственном посту, как пост Народного Комиссара Иностранных Дел, более опытного и более популярного в стране политического деятеля, чем М. М. Литвинов.

Отказ западных держав от пакта о коллективной безопасности был не случайным. В этот период развернулась борьба между двумя линиями международной политики. Одна линия — это линия борьбы за мир, за

[1] *И. В. Сталин,* Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), «Вопросы ленинизма», стр. 570.

организацию коллективной безопасности и за противодействие агрессии объединёнными усилиями миролюбивых народов. Эту линию вёл Советский Союз, последовательно и стойко защищая интересы всех больших и малых миролюбивых народов. Другая линия — это линия на отказ от организации коллективной безопасности, на отказ от противодействия агрессии, что неизбежно поощряло фашистские страны к усилению их агрессивной активности и тем самым способствовало развязыванию новой войны.

Из всего этого видно, что историческая правда заключается в том, что гитлеровская агрессия стала возможной, во-первых, в силу того, что Соединённые Штаты Америки помогли немцам создать в короткий срок военно-экономическую базу германской агрессии и вооружили таким образом эту агрессию, и, во-вторых, в силу того, что отказ англо-французских правящих кругов от коллективной безопасности расстроил ряды миролюбивых стран, разложил единый фронт этих стран против агрессии, очистил дорогу для немецкой агрессии и помог Гитлеру развязать вторую мировую войну.

Что было бы, если бы Соединённые Штаты не финансировали тяжёлую промышленность гитлеровской Германии, а Англия и Франция не отказались бы от коллективной безопасности, а, наоборот, организовали бы вместе с Советским Союзом коллективный отпор немецкой агрессии?

Гитлеровская агрессия оказалась бы без достаточного вооружения. Гитлеровская захватническая политика очутилась бы в тисках режима коллективной безопасности. Шансы успешного для гитлеровцев развязывания второй мировой войны уменьшились бы до минимума. И если гитлеровцы, несмотря на эти неблагоприятные для них условия, всё же решились бы развязать вторую

мировую войну, они были бы разбиты в первый же год войны.

Этого, однако, не случилось, к сожалению, вследствие пагубной политики, проводившейся Соединёнными Штатами Америки, Англией и Францией в течение всего предвоенного периода.

Вот кто виноваты в том, что гитлеровцы смогли не без успеха развязать вторую мировую войну, продолжавшуюся почти шесть лет и поглотившую миллионы жертв.

II.

НЕ БОРЬБА С ГЕРМАНСКОЙ АГРЕССИЕЙ, А ПОЛИТИКА ИЗОЛЯЦИИ СССР

Дальнейшее развитие событий ещё более отчётливо показало, что правящие круги Англии и Франции своими уступками и поблажками фашистским государствам, объединившимся в 1936 году в военно-политический блок, известный под именем «Ось Берлин — Рим», только подбадривали и толкали Германию на путь захватов.

Отвергая политику коллективной безопасности, Англия и Франция перешли на позицию так называемого невмешательства, о которой И. В. Сталин говорил:

> «...политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение её в мировую войну» [1].

---

[1] Стенографич. отчёт XVIII съезда ВКП(б), ОГИЗ, 1939, стр. 13.

И. В. Сталин указывал при этом, что

«...большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьёзным провалом» [1].

Уже в 1937 году было совершенно ясно, что дело идёт к большой войне, затеваемой Гитлером при прямом попустительстве Великобритании и Франции.

Захваченные советскими войсками после разгрома Германии документы германского министерства иностранных дел раскрывают подлинную сущность внешней политики Великобритании и Франции того периода. Как видно из документов, сущность англо-французской политики заключалась не в объединении сил миролюбивых государств для совместной борьбы против агрессии, а в том, чтобы изолировать СССР и направить гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза, использовав Гитлера как орудие в своих целях.

При этом правители Англии и Франции хорошо знали основное направление гитлеровской внешней политики, которая была определена Гитлером следующим образом:

«Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под направлением нашей внешней политики в довоенное время. Мы начинаем с того, на чём остановились шесть веков тому назад. Мы приостанавливаем вечное стремление германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взор на земли на востоке. Мы порываем, наконец, с колониальной и торговой политикой довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего. Но когда мы сейчас в Европе говорим о новых землях, то мы можем в первую очередь думать только о России и подвластных ей пограничных государствах. Кажется, что сама судьба указывает нам путь» [2].

[1] Стенографич. отчёт XVIII съезда ВКП(б), ОГИЗ, 1939, стр. 14.
[2] *А. Гитлер,* Майн кампф, Мюнхен 1936, стр. 742.

До последнего времени принято было считать, что вся ответственность за мюнхенскую политику предательства лежит на правящих кругах Англии и Франции, на правительствах Чемберлена и Даладье. Тот факт, что американское Правительство взяло на себя опубликование немецких архивных материалов, исключив при этом из сборника документы, относящиеся к мюнхенскому соглашению, свидетельствует о заинтересованности Правительства США в том, чтобы обелить героев мюнхенского предательства и при этом попытаться свалить вину на СССР.

Основной смысл мюнхенской политики Англии и Франции был достаточно ясен уже и раньше. Имеющиеся в руках Советского Правительства документы из архива германского министерства иностранных дел дают, однако, многочисленные дополнительные факты, раскрывающие действительный смысл дипломатии западных держав в предвоенный период, показывая, какая шла игра судьбами народов, как беззастенчиво торговали чужими территориями, как втайне перекраивалась карта мира, как подбадривалась гитлеровская агрессия и какие делались усилия, чтобы направить эту агрессию на Восток, против Советского Союза.

Об этом красноречиво говорит, например, немецкий документ, содержащий запись беседы между Гитлером и английским министром Галифаксом в присутствии германского министра иностранных дел фон-Нейрата, имевшей место в Оберзальцберге 19 ноября 1937 года.

Галифакс заявил, что

«он (лорд Галифакс) и другие члены английского Правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но что, в результате уничтожения коммунизма в своей стране, он преградил путь последнему в Западную Европу,

и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма» [1].

От имени английского премьер-министра Чемберлена Галифакс указывал на то, что имеется полная возможность найти решение даже трудных проблем, если Германии и Англии удастся достигнуть соглашения также с Францией и Италией.

Галифакс говорил, что

«не должно быть такого впечатления, что «ось Берлин — Рим» или хорошие отношения между Лондоном и Парижем пострадают в результате германо-английского сближения. После того, как в результате германо-английского сближения будет подготовлена почва, четыре великих западно-европейских державы [2] должны совместно создать основу, на которой может быть установлен продолжительный мир в Европе. Ни одна из четырёх держав ни в коем случае не должна остаться вне этого сотрудничества, так как в противном случае не будет положен конец теперешнему неустойчивому положению» [3].

Таким образом, Галифакс от имени английского Правительства ещё в 1937 году сделал предложение Гитлеру о присоединении Англии, а вместе с тем и Франции к «оси Берлин — Рим».

Однако, на это предложение Гитлер ответил заявлением, что такое соглашение между четырьмя державами ему кажется очень лёгким, если речь идёт о доброй воле и любезном отношении друг к другу, но дело усложнится,

[1] «Запись беседы между фюрером и рейхсканцлером и лордом Галифаксом в присутствии г-на рейхсминистра иностр. дел в Оберзальцберге 19. XI 1937 г.», из Архива германского министерства иностранных дел.

[2] Имеются в виду Великобритания, Франция, Германия и Италия.

[3] См. цит. «Запись беседы».

если Германия не будет рассматриваться «как государство, не несущее больше на себе морального или материального клейма Версальского договора».

В ответ на это Галифакс заявил согласно записи:

«Англичане являются реалистами и, может быть, больше чем другие, убеждены в том, что ошибки Версальского диктата должны быть исправлены. Англия и в прошлом всегда оказывала своё влияние в этом реалистическом смысле. Он указал на роль Англии при досрочной эвакуации Рейнской области, при разрешении репарационного вопроса, а также при реоккупации Рейнской области» [1].

Из дальнейшей записи беседы Гитлера с Галифаксом видно, что английское Правительство одобрительно отнеслось к гитлеровским планам «приобретения» Данцига, Австрии и Чехословакии. Обсудив с Гитлером вопросы о разоружении и Лиге Наций и заметив, что они нуждаются в дальнейшем обсуждении, Галифакс заявил:

«Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путём мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны» [2].

Как видно, эта беседа представляла не простой зондаж, прощупывание собеседника, что иногда вызывается политической необходимостью, а сговор, тайное соглашение английского Правительства с Гитлером

[1] «Запись беседы».

[2] Там же.

об удовлетворении захватнических аппетитов последнего за счёт третьих стран.

В этой связи следует отметить заявление в парламенте английского министра Саймона 21 февраля 1938 года, что Великобритания никогда не давала специальных гарантий независимости Австрии. Это была заведомая ложь, ибо такие гарантии были даны Версальским и Сен-Жерменским договорами.

Тогда же британский премьер-министр Чемберлен заявил, что Австрия не может рассчитывать на какую-либо защиту со стороны Лиги Наций.

«Мы не должны пытаться, — заявил Чемберлен, — вводить себя в заблуждение и тем более мы не должны обманывать малые, слабые нации надеждами на то, что они получат от Лиги Наций защиту против агрессии, и что можно будет соответственно действовать, раз мы знаем, что ничего подобного не может быть предпринято»[1].

Так руководители британской политики подбадривали Гитлера к захватническим действиям.

В захваченном советскими войсками в Берлине немецком архиве имеется также запись беседы между Гитлером и британским послом в Германии Гендерсоном, происходившей в присутствии Риббентропа 3 марта 1938 года[2]. С самого начала этой беседы Гендерсон подчеркнул её доверительный характер, оговорив, что содержание беседы не будет сообщено ни французам, ни бельгийцам, ни португальцам, ни итальянцам, которым будет лишь сказано, что беседа состоялась как продолжение перегово-

[1] «Таймс», 23 февраля 1938 г., стр. 8.

[2] «Записка о беседе между фюрером (и рейхсканцлером) и брит. королевским послом, которая состоялась в присутствии г-на рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа 3 марта 1938 года в Берлине», из Архива германского министерства иностранных дел.

ров между Галифаксом и Гитлером и была посвящена вопросам, касающимся Германии и Англии.

Выступая в этой беседе от имени английского Правительства, Гендерсон подчеркнул, что

«дело идёт не о торговой сделке, а о попытке установить основу для истинной и сердечной дружбы с Германией, начиная с улучшения обстановки и кончая созданием нового духа дружественного понимания» [1].

Не возражая против требования Гитлера об «объединении Европы без России», Гендерсон напомнил, что Галифакс, который к этому времени стал министром иностранных дел, уже согласился с теми территориальными изменениями, которые Германия намерена произвести в Европе, и что

«целью английского предложения является участие в таком разумном урегулировании».

В этой же беседе Гендерсон, как значится в записи, заявил, что Чемберлен

«выказал большое мужество, когда, не обращая внимания ни на что, сорвал маску с таких интернациональных фраз, как коллективная безопасность и т. п...»

«...Поэтому, — добавил Гендерсон, — Англия заявляет о своей готовности устранить все трудности и спрашивает Германию, готова ли она со своей стороны сделать то же самое» [2].

Когда в беседу вмешался Риббентроп, обратив внимание Гендерсона на то, что английский посланник в Вене в «драматической» форме сделал заявление фон Папену по поводу событий в Австрии, Гендерсон поспешил отмежеваться от заявления своего коллеги, заявив, что «часто он сам, Невиль Гендерсон, высказывался за аншлюсс».

[1] «Записка о беседе».

[2] Там же.

Таков был язык английской дипломатии предвоенного периода.

Вслед за этим сговором, уже 12 марта 1938 года Гитлер захватил Австрию, не встретив никакого противодействия со стороны Англии и Франции. В тот момент только Советский Союз поднял свой предостерегающий голос и снова обратился с призывом организовать коллективную защиту независимости стран, которым угрожала агрессия. Ещё 17 марта 1938 года Советское Правительство направило державам ноту, выражая свою готовность «приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне её практических мер», которые «имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни» [1]. Ответ английского Правительства на советскую ноту свидетельствовал о нежелании английского Правительства создавать помехи этим планам гитлеровской агрессии.

Он гласил, что конференция для принятия

> «согласованных действий против агрессии не обязательно окажет, по мнению правительства Его Величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира» [2].

Следующим звеном в цепи германской агрессии и подготовки войны в Европе был захват Германией Чехословакии. И этот важнейший шаг к развязыванию войны в Европе мог быть осуществлён Гитлером только при прямой поддержке Англии и Франции.

Ещё 10 июля 1938 года германский посол в Лондоне Дирксен сообщил в Берлин, что английское Правительство

---

[1] «Известия» от 18 марта 1938 года.

[2] Нота британского Министерства Иностранных Дел от 24 марта 1938 года.

«сделало поиски компромисса с Германией одним из существеннейших пунктов своей программы» и что «данное правительство по отношению к Германии проявляет такой максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков» [1].

Дирксен писал, что английское Правительство

«приблизилось к пониманию наиболее существенных пунктов основных требований, выставляемых Германией в отношении отстранения Советского Союза от решения судеб Европы, отстранения Лиги Наций в этом же смысле, целесообразности двусторонних переговоров и договоров».

Дирксен также сообщил в Берлин, что английское Правительство готово принести большие жертвы во имя «удовлетворения других справедливых требований Германии».

Таким образом, между английским Правительством и Гитлером действительно установилось далеко идущее согласие во внешнеполитических планах, о чём так выразительно сообщал Дирксен в своём донесении в Берлин.

Нет нужды напоминать всем известные факты, относящиеся уже непосредственно к мюнхенской сделке. Но нельзя забыть, что 19 сентября 1938 года, т. е. спустя 4 дня после свидания Гитлера с Чемберленом, прилетавшим для этого в гитлеровскую резиденцию Берхтесгаден, представители британского и французского Правительств потребовали от чехословацкого Правительства передачи Германии чехословацких районов, населённых главным образом судетскими немцами. Они мотивировали это тем,

[1] «Политическое донесение 10 июля 1938 г., дополнение к донесению А № 2589 от 10 июня с. г.», из Архива германского министерства иностранных дел.

что без этого якобы невозможно поддержание мира и обеспечение жизненных интересов Чехословакии. Англо-французские покровители гитлеровской агрессии своё предательство пытались прикрыть обещанием международной гарантии новых границ Чехословацкого государства в качестве «вклада в дело умиротворения Европы» [1].

20 сентября чехословацкое Правительство ответило на англо-французские предложения. Чехословацкое Правительство заявило, что «принятие предложений такого характера равнялось бы добровольному и полному искалечению государства во всех направлениях». Чехословацкое Правительство обращало внимание английского и французского Правительств на то, что «паралич Чехословакии имел бы в результате глубокие политические перемены во всей средней и юго-восточной Европе».

> «Равновесие сил в средней Европе и Европе вообще, — заявляло чехословацкое правительство в своём ответе, — было бы уничтожено; это повлекло бы за собой далеко идущие последствия для всех остальных государств, а особенно для Франции».

Чехословацкое Правительство обращалось к Правительствам Англии и Франции «с последним призывом» пересмотреть свою точку зрения, подчёркивая, что это в интересах не только Чехословакии, но и её друзей, в интересах «всего дела мира и дела здорового развития Европы».

Англо-французские правители оставались неумолимыми. На следующий день английское Правительство послало чехословацкому Правительству ответную ноту с

---

[1] Correspondence respecting Czechoslovakia, September 1938, London 1938, ctd 5847, p. 8—9 (Переписка, относящаяся к Чехословакии, сентябрь 1938 г., стр. 8—9, Лондон).

предложением взять обратно свой ответ на первоначальные англо-французские предложения и «спешно и серьёзно взвесить» прежде, чем создавать ситуацию, за которую английское Правительство не могло бы на себя принять ответственность. В заключение английское Правительство подчёркивало, что оно не может поверить, чтобы чехословацкий проект об арбитраже был теперь приемлем. Оно не может полагать, указывалось в этой английской ноте, чтобы «германское правительство считало ситуацию такой, какая могла бы быть разрешена арбитражем, как это предлагает чехословацкое правительство».

В заключение английская нота угрожающе предупреждала чехословацкое Правительство, что, в случае отклонения английского совета, чехословацкое Правительство «должно иметь свободу каких угодно действий, которые оно сочтёт соответствующими ситуации, какая могла бы создаться позднее».

Состоявшееся 29—30 сентября 1938 года в Мюнхене совещание Гитлера, Чемберлена, Муссолини и Даладье явилось завершением той постыдной сделки, которая ещё ранее была полностью согласована между основными участниками сговора против мира. Судьба Чехословакии была решена без всякого её участия. Представителей Чехословакии пригласили в Мюнхен лишь для того, чтобы они покорно ждали результатов сговора между империалистами.

Всё поведение Англии и Франции не оставляло никакого сомнения в том, что неслыханный акт предательства со стороны английского и французского Правительств по отношению к чехословацкому народу и его республике вовсе не был случайным эпизодом в политике этих государств, а являлся важнейшим звеном в этой политике, преследовавшей цель направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза.

Истинный смысл мюнхенского сговора был тогда же разоблачён И. В. Сталиным, который сказал, что «немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом» [1].

Существо всей этой политики англо-французских правящих кругов в этот период было вскрыто в следующих словах И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года:

> «Политика невмешательства, — говорил И. В. Сталин, — означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение её в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить своё чёрное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а ещё лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия» [2].

В демократических кругах разных стран, в том числе в Соединённых Штатах Америки, Великобритании и Франции, мюнхенское соглашение было встречено с возмущением и решительным осуждением. Об отношении этих кругов к мюнхенскому предательству англо-французских правителей можно судить хотя бы по таким высказываниям, как, например, высказывания в вышедшей в США

---

[1] Стенографич. отчёт XVIII съезда ВКП(б), ОГИЗ, 1939, стр. 14.
[2] Там же, стр. 13.

книге Сейерса и Кана «Тайная война против Советской России». Вот что писали авторы этой книги о Мюнхене:

«Правительства нацистской Германии, фашистской Италии, Англии и Франции подписали мюнхенское соглашение, — сбылась мечта об антисоветском «Священном союзе», которую мировая реакция лелеяла ещё с 1918 года. Соглашение оставило Россию без союзников. Франко-советский пакт — краеугольный камень коллективной безопасности в Европе — был похоронен. Чешские Судеты стали частью нацистской Германии. Перед гитлеровскими полчищами широко открылись ворота на восток» [1].

Из всех великих держав один только Советский Союз на всех этапах чехословацкой трагедии активно выступал в защиту независимости и национальных прав Чехословакии. Пытаясь оправдаться в глазах общественного мнения, Правительства Англии и Франции лицемерно заявляли, будто бы они не знают, будет ли выполнять Советский Союз свои обязательства перед Чехословакией, вытекавшие из договора о взаимной помощи. Но они говорили заведомую неправду, ибо Советское Правительство публично заявило о готовности выступить за Чехословакию против Германии в соответствии с условиями этого договора, требующими одновременного выступления Франции в защиту Чехословакии. Но Франция отказалась выполнить свой долг.

Несмотря на это, накануне мюнхенской сделки Советское Правительство вновь заявило, что оно высказывается за созыв международной конференции для оказания практической помощи Чехословакии и для принятия практических мер к сохранению мира.

Когда захват Чехословакии стал фактом и правитель-

[1] *М. Сейерс* и *А. Кан*, Тайная война против Советской России, Бостон 1946, стр. 324—325.

ства империалистических стран одно за другим заявили о своём признании совершившегося факта, Советское Правительство в своей ноте от 18 марта заклеймило захват Чехословакии, совершённый гитлеровской Германией при пособничестве Англии и Франции, как акт произвола, насилия, агрессии. В той же ноте Советское Правительство подчёркивало, что действия Германии создали и усилили угрозу всеобщему миру, «нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы ещё ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов» [1].

Дело не ограничилось выдачей Чехословакии Гитлеру. Правительства Англии и Франции наперебой спешили подписать широкие политические соглашения с гитлеровской Германией. 30 сентября 1938 года в Мюнхене была подписана Чемберленом и Гитлером англо-германская декларация, в которой говорилось:

«Мы продолжили сегодня нашу беседу и единодушно пришли к убеждению, что вопрос германо-английских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы. Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и германо-английское морское соглашение, как символ желания наших обоих народов никогда более не вести войну друг против друга. Мы полны решимости рассматривать и другие вопросы, касающиеся наших обеих стран, при помощи консультаций и стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям, чтобы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе» [2].

Это была декларация Англии и Германии о взаимном ненападении.

[1] «Известия» от 20 марта 1939 года.

[2] Архив внешней политики и страноведения, стр. 483 («Archiv für Aussenpolitik und Länderkunde», September 1938, S. 483).

6 декабря 1938 года была подписана франко-германская декларация Боннэ — Риббентропа, аналогичная англо-германской. В этой декларации заявлялось, что германское и французское Правительства единодушно пришли к убеждению, что мирные и добрососедские отношения между Германией и Францией являются одной из существеннейших предпосылок консолидации отношений в Европе и сохранения всеобщего мира и что оба правительства приложат все усилия, чтобы обеспечить поддержание таких отношений между своими странами. Декларация констатировала, что между Францией и Германией нет больше никаких спорных вопросов территориального характера и что существующая граница между их странами является окончательной. В заключение декларация заявляла, что оба правительства твёрдо решают, не касаясь своих особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, касающимся их стран, и совещаться между собой в случае, если бы эти вопросы в своём дальнейшем развитии могли привести к международным осложнениям.

Это была декларация Франции и Германии о взаимном ненападении.

По существу дела, заключение этих соглашений означало, что и Англия, и Франция подписали с Гитлером пакты о ненападении.

В этих соглашениях с гитлеровской Германией совершенно ясно обнаруживается стремление английского и французского Правительств отвести от себя угрозу гитлеровской агрессии в расчёте, что мюнхенское и другие подобные соглашения уже открыли ворота для гитлеровской агрессии на Восток, в направлении Советского Союза.

Таким образом были созданы политические условия, необходимые для «объединения Европы без России».

Дело шло к полной изоляции Советского Союза.

III.

ИЗОЛЯЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. СОВЕТСКО-НЕМЕЦКИЙ ПАКТ НЕНАПАДЕНИЯ

После захвата Чехословакии фашистская Германия стала готовиться к войне уже совершенно открыто на глазах всего мира. Гитлер, поощряемый Англией и Францией, перестал церемониться и притворяться сторонником мирного урегулирования европейских проблем. Наступили самые драматические месяцы предвоенного периода. Уже тогда было ясно, что каждый день приближает человечество к невиданной военной катастрофе.

Какова же была тогда политика Советского Союза, с одной стороны, и политика Великобритании и Франции — с другой?

Попытка уйти от ответа на этот вопрос, предпринятая фальсификаторами истории в США, свидетельствует лишь об их нечистой совести.

Правда такова, что Англия и Франция при поддержке правящих кругов США и в роковой период весны и лета 1939 года, когда война стояла у порога, продолжали прежнюю линию своей политики. Это была политика провокационного натравливания гитлеровской Германии на Советский Союз, прикрываемая для обмана не только фарисейскими фразами о готовности сотрудничать с Советским Союзом, но и кое-какими несложными дипломатиче-

скими маневрами, призванными скрыть от общественного мнения народов действительный характер проводимого политического курса.

Такими маневрами явились, прежде всего, переговоры 1939 года, которые Англия и Франция решили завязать с Советским Союзом. Для обмана общественного мнения англо-французские правящие круги пытались изобразить эти переговоры как серьёзную попытку воспрепятствовать дальнейшему распространению гитлеровской агрессии. Однако в свете всего дальнейшего хода событий стало совершенно ясным, что для англо-французской стороны эти переговоры с самого начала явились только очередным ходом в её двойной игре.

Это было ясно также и руководителям гитлеровской Германии, для которых смысл переговоров, затеянных Правительствами Англии и Франции с Советским Союзом, не представлял, разумеется, секрета. Вот что писал, например, об этом германский посол в Лондоне Дирксен в донесении германскому министерству иностранных дел от 3 августа 1939 года, как об этом свидетельствуют документы, захваченные Советской Армией при разгроме гитлеровской Германии:

«Здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией».

Это мнение твёрдо разделяли все германские дипломаты, наблюдавшие обстановку в Лондоне.

В другом своём секретном донесении в Берлин Дирксен писал:

«Англия хочет посредством вооружений и приобретения союзников усилиться и поравняться с осью, но

в то же время она хочет попытаться путём переговоров притти к полюбовному соглашению с Германией» [1].

Клеветники и фальсификаторы истории пытаются скрыть эти документы, ибо они проливают яркий свет на обстановку последних предвоенных месяцев, без правильной оценки которой невозможно понять действительную предисторию войны. Затевая переговоры с Советским Союзом и давая гарантии Польше, Румынии и некоторым другим государствам, Англия и Франция при поддержке правящих кругов США вели двойную игру, рассчитанную на соглашение с гитлеровской Германией с целью направления её агрессии на Восток, против Советского Союза.

Переговоры между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой, начались в марте 1939 года и продолжались около четырёх месяцев.

Весь ход этих переговоров с полной очевидностью показал, что в то время, как Советский Союз стремился достичь широкого и равноправного соглашения с западными державами, способного хотя бы в последний момент удержать Германию от развязывания войны в Европе, Правительства Англии и Франции, опиравшиеся на поддержку в Соединённых Штатах, ставили совершенно иные цели. Англо-французские правящие круги, привыкшие загребать жар чужими руками, и на этот раз пытались навязать Советскому Союзу обязательства, в силу которых СССР взял бы на себя всю тяжесть жертв по отражению возможной гитлеровской агрессии, а Англия и Франция вовсе не связывали бы себя какими-либо обязательствами по отношению к Советскому Союзу.

Если бы англо-французским правителям удался этот маневр, они значительно приблизились бы к осуществле-

[1] Записка Дирксена «О развитии политических отношений между Германией и Англией за время моего служебного пребывания в Лондоне», составленная в сентябре 1939 года.

нию своей основной цели, которая заключалась в том, чтобы как можно скорее столкнуть лбами Германию и Советский Союз. Однако, этот замысел был разгадан Советским Правительством, которое на всех этапах переговоров противопоставляло дипломатическим трюкам и уловкам западных держав свои открытые и ясные предложения, призванные служить лишь одной цели — делу защиты мира в Европе.

Нет нужды напоминать все перипетии этих переговоров. Следует восстановить в памяти лишь некоторые важнейшие моменты. Достаточно напомнить о тех условиях, которые в этих переговорах выдвинуло Советское Правительство: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны; заключение конкретного военного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров [1].

На третьей Сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 года В. М. Молотов указывал, что в некоторых англо-французских предложениях, предъявленных во время этих переговоров, отсутствовал элементарный принцип взаимности и равных обязанностей, обязательный во всяких равноправных соглашениях.

«Гарантировав себя, — говорил В. М. Молотов, — от прямого нападения агрессоров пактами взаимопомощи между собой и с Польшей и обеспечивая себе помощь СССР в случае нападения агрессоров на

[1] См. Доклад В. М. Молотова на III Сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 года.

Польшу и Румынию, англичане и французы оставляли открытым вопрос — может ли СССР в свою очередь рассчитывать на помощь с их стороны в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, равно как оставляли открытым другой вопрос — могут ли они принять участие в гарантировании граничащих с СССР малых государств, прикрывающих северо-западные границы СССР, если они окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет от нападения агрессоров. Получалось, таким образом, неравное положение для СССР».

Даже, когда англо-французские представители на словах стали соглашаться с принципом взаимопомощи между Англией, Францией и СССР на условиях взаимности на случай прямого нападения агрессора, — они обставили это рядом таких оговорок, которые делали это согласие фиктивным.

Кроме того, англо-французские предложения предусматривали помощь со стороны СССР тем странам, которым англичане и французы дали обещание о гарантиях, но они ничего не сказали о своей помощи странам на северо-западной границе СССР — Прибалтийским государствам, в случае нападения на них агрессора.

Исходя из изложенных выше соображений, В. М. Молотов заявил, что Советский Союз не может брать на себя обязательств в отношении одних стран без того, чтобы были даны такие же гарантии в отношении стран, расположенных на северо-западных границах Советского Союза.

Следует также напомнить, что когда 18 марта 1939 года британский посол в Москве Сиидс запросил Народного Комиссара Иностранных Дел, какова будет позиция Советского Союза в случае гитлеровской агрессии против Румынии, о подготовке которой у англичан имелись све-

дения, и когда с советской стороны был поставлен вопрос, какова будет при таких обстоятельствах позиция Англии, Сиидс уклонился от ответа, заметив, что географически Румыния ближе к Советскому Союзу, чем к Англии.

Таким образом, уже с первого шага ясно обнаружилось стремление английских правящих кругов связать Советский Союз определёнными обязательствами, а самим остаться в стороне. Этот же нехитрый приём затем систематически, всё вновь и вновь, повторялся в течение всего хода переговоров.

В ответ на английский запрос Советское Правительство выдвинуло предложение о созыве совещания представителей наиболее заинтересованных государств, а именно: Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и Советского Союза. По мнению Советского Правительства, такое совещание дало бы наибольшие возможности для выяснения действительного положения и определения позиций всех его участников. Однако британское Правительство ответило, что считает советское предложение преждевременным.

Вместо созыва конференции, которая дала бы возможность договориться о конкретных мерах борьбы против агрессии, английское Правительство предложило Советскому Правительству 21 марта 1939 года подписать совместно с ним, а также с Францией и Польшей декларацию, в которой подписавшиеся правительства обязались бы «совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» на случай угрозы «независимости любого европейского государства». Британский посол, доказывая приемлемость своего предложения, особенно напирал на то обстоятельство, что декларация составлена в весьма мало обязывающих выражениях.

Было совершенно очевидно, что такая декларация не может служить серьёзным средством борьбы против нависшей угрозы со стороны агрессора. Полагая, однако, что даже такая малообещающая декларация может явиться хотя бы некоторым шагом вперёд в деле обуздания агрессора, Советское Правительство согласилось принять английское предложение. Но уже 1 апреля 1939 года английский посол в Москве сообщил, что Англия считает вопрос о совместной декларации отпавшим.

После ещё двухнедельных проволочек английский министр иностранных дел Галифакс сделал Советскому Правительству через посла в Москве новое предложение, заключавшееся в том, чтобы Советское Правительство сделало заявление, что «в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь Советского Правительства, если она будет желательна».

Главный смысл этого предложения заключался в том, что в случае акта агрессии Германии против Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии Советский Союз был обязан оказать им помощь без какого-либо обязательства по оказанию помощи со стороны Англии, то-есть, ввязаться в войну с Германией один на один. Что касается Польши и Румынии, которым Англия дала гарантии, то и в этом случае Советский Союз должен был оказать им помощь против агрессора. Но и в данном случае Англия не хотела брать на себя какие-либо обязательства совместно с Советским Союзом, оставляя себе свободу рук и поле для любого маневрирования, не говоря уже о том, что согласно этому предложению Польша и Румыния, а также Прибалтийские государства ничем не обязывались в отношении СССР.

Советское Правительство, однако, не желало упускать ни единой возможности для того, чтобы добиться соглашения с другими державами о совместной борьбе против гитлеровской агрессии. Оно без малейшего промедления представило британскому Правительству встречное предложение. Это предложение заключалось в том, чтобы, во-первых, Советский Союз, Англия и Франция взаимно обязались оказывать друг другу всяческую немедленную помощь, включая военную, в случае агрессии против одного из этих государств; во-вторых, чтобы Советский Союз, Англия и Франция обязались оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь государствам Восточной Европы, расположенным между Балтийским и Чёрным морями и граничащим с Советским Союзом, в случае агрессии против этих государств. Наконец, в-третьих, Советский Союз, Англия и Франция должны были обязаться в короткий срок установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждому из этих государств в обоих случаях, упомянутых выше.

Таковы были наиболее важные пункты советского предложения. Не трудно видеть коренное отличие советского предложения от британского предложения, поскольку советское предложение заключало в себе действительно эффективные меры совместного противодействия агрессии.

В течение трёх недель не было никакого ответа на это предложение со стороны английского Правительства. Это вызвало в Англии возраставшее беспокойство, вследствие чего английскому Правительству пришлось в конце концов придумать очередной маневр для обмана общественного мнения.

8 мая в Москву поступил английский ответ, или, точнее, английские контрпредложения. Советскому Правительству снова предлагалось сделать одностороннее

заявление, которым оно «обязалось бы в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств» (перед Бельгией, Польшей, Румынией, Грецией и Турцией) «оказать немедленно содействие, если оно окажется желательным, причём род и условия, в которых предоставлялось бы это содействие, явились бы предметом соглашения».

И в этом предложении речь шла об односторонних обязательствах Советского Союза. Он должен был обязаться оказывать помощь Англии и Франции, которые со своей стороны абсолютно никаких обязательств перед Советским Союзом в отношении Прибалтийских республик на себя не брали. Таким образом, Англия предлагала поставить СССР в неравное положение, неприемлемое и недостойное для любого независимого государства.

Легко понять, что на деле английское предложение было адресовано не столько в Москву, сколько в Берлин. Немцев приглашали напасть на Советский Союз и давали им понять, что Англия и Франция сохранят нейтралитет, если только немецкое нападение будет совершено через Прибалтику.

11 мая переговоры между Советским Союзом, Англией и Францией были ещё более осложнены заявлением польского посла в Москве Гржибовского о том, что «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР...»

Разумеется, такое заявление польского представителя могло быть сделано только с ведома и одобрения правящих кругов Англии и Франции.

Поведение английских и французских представителей в переговорах в Москве носило настолько провокационный характер, что даже в правящем лагере западных держав нашлись люди, которые резко критиковали такую грубую игру. Так, летом 1939 года Ллойд Джордж вы-

ступил во французской газете «Се суар» с резкой статьёй, направленной против руководителей английской политики. Касаясь причин той бесконечной канители, в которой завязли переговоры Англии и Франции с Советским Союзом, Ллойд Джордж писал, что на этот вопрос возможен лишь один ответ:

«Невиль Чемберлен, Галифакс и Джон Саймон не желают никакого соглашения с Россией».

Разумеется, то, что было ясно Ллойд Джорджу, было не менее ясно заправилам гитлеровской Германии, которые прекрасно понимали, что западные державы и не помышляют о серьёзном соглашении с Советским Союзом, а преследуют совсем другую цель. Эта цель заключалась в том, чтобы подтолкнуть Гитлера к скорейшему нападению на Советский Союз, обеспечив ему как бы премию за это нападение путём создания для Советского Союза наименее благоприятных условий в случае войны с Германией.

К тому же западные державы без конца затягивали переговоры с Советским Союзом, пытаясь утопить существенные вопросы в тине мелких поправок и бесчисленных вариантов. Каждый раз, когда речь заходила о каких-либо реальных обязательствах, представители этих держав прикидывались, будто не понимают, в чём дело.

В конце мая Англия и Франция внесли новые предложения, которые кое в чём улучшали предыдущий вариант, но попрежнему оставляли открытым существенно важный для Советского Союза вопрос о гарантии трёх Прибалтийских республик, расположенных на северо-западной границе Советского Союза.

Таким образом, идя, под давлением общественного мнения своих стран, на некоторые словесные уступки, правители Англии и Франции продолжали гнуть свою прежнюю линию, обставляя свои предложения такими

оговорками, которые делали их заведомо неприемлемыми для Советского Союза.

Поведение англо-французских представителей во время переговоров в Москве было настолько нетерпимым, что В. М. Молотов должен был 27 мая 1939 года заявить английскому послу Сиидсу и французскому поверенному в делах Пайару, что представленный ими проект соглашения об оказании совместного противодействия агрессору в Европе не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции и даже не свидетельствует о серьёзной заинтересованности английского и французского Правительств в соответствующем пакте с Советским Союзом. При этом было прямо заявлено, что англо-французское предложение наводит на мысль, что Правительства Англии и Франции не столько заинтересованы в самом пакте, сколько в разговорах о нём. Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому Правительству эти цели неизвестны. Советское Правительство заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Англо-французские представители были предупреждены, что Советское Правительство не намерено участвовать в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, и что такие разговоры английское и французское Правительства могут вести с более подходящими, чем СССР, партнёрами.

Московские переговоры затягивались бесконечно. Причины такой недопустимой затяжки переговоров выболтал лондонский «Таймс», который писал: «Быстрый и решительный союз с Россией может помешать другим переговорам...»[1] «Таймс», говоря о «других перегово-

[1] *Сейерс и Кан,* Тайная война против Советской России, Москва 1947, стр. 371.

рах» имел, очевидно, в виду переговоры Роберта Хадсона, английского министра по делам заморской торговли, с доктором Гельмутом Вольтатом, экономическим советником Гитлера, по вопросу о возможности английского займа гитлеровской Германии в весьма крупной сумме, о чём речь будет впереди.

Кроме того, как известно, в день, когда гитлеровская армия вступила в Прагу, по сообщению печати, делегация Федерации английской промышленности вела в Дюссельдорфе переговоры о заключении широкого соглашения с немецкой крупной промышленностью.

Обращало на себя внимание и то обстоятельство, что ведение переговоров от имени Великобритании в Москве было поручено второстепенным лицам, в то время как для переговоров с Гитлером выезжал из Англии в Германию сам Чемберлен и притом неоднократно. Важно отметить также и то, что английский представитель Стрэнг для переговоров с СССР не имел полномочий для подписания каких-либо соглашений с Советским Союзом.

Ввиду требования Советского Союза перейти к конкретным переговорам относительно мер борьбы против возможного агрессора, Правительства Англии и Франции должны были согласиться послать в Москву свои военные миссии. Однако эти миссии необычно долго добирались до Москвы, а когда они приехали, то оказалось, что составлены они из второстепенных лиц, не имеющих к тому же полномочий для подписания какого-либо соглашения. В этих условиях военные переговоры оказались столь же бесплодными, как и политические.

Военные миссии западных держав сразу же показали, что они и не желают серьёзно разговаривать о средствах взаимной помощи в случае агрессии Германии. Советская военная миссия исходила из того, что СССР, не имея общей границы с Германией, может оказать

помощь Англии, Франции, Польше, в случае возникновения войны, лишь при условии пропуска советских войск через польскую территорию. Однако, польское Правительство заявило, что оно не примет военной помощи со стороны Советского Союза, показав этим, что оно опасается усиления Советского Союза больше, чем гитлеровской агрессии. Позицию Польши поддержали как английская, так и французская миссии.

В ходе военных переговоров был поставлен также вопрос о количестве вооружённых сил, которые должны быть немедленно выставлены участниками соглашения в случае агрессии. Тогда англичане назвали смехотворную цифру, заявив, что они могут выставить 5 пехотных и 1 механизированную дивизии. И это англичане предложили в то время, когда Советский Союз заявил о своей готовности выставить на фронт против агрессора 136 дивизий, 5 тысяч средних и тяжёлых орудий, до 10 тысяч танков и танкеток, свыше 5 тысяч боевых самолётов и т. д. Из этого видно, насколько несерьёзно английское Правительство отнеслось к переговорам о заключении военного соглашения с СССР.

Указанных выше данных достаточно для того, чтобы подтвердить тот вывод, который сам собой напрашивается, а вывод этот состоит в том, что:

1. Советское Правительство на всём протяжении переговоров с исключительным терпением добивалось того, чтобы обеспечить договорённость с Англией и Францией о взаимной помощи против агрессора на равноправных началах и при условии, что взаимная помощь будет действительно эффективной, то-есть, что заключению политического договора будет сопутствовать подписание военной конвенции, устанавливающей размеры, формы и сроки помощи, ибо весь предыдущий ход событий достаточно ясно показал, что только такое соглашение могло бы

быть эффективным и способно было бы образумить гитлеровского агрессора, избалованного полной безнаказанностью и попустительством западных держав на протяжении многих лет;

2. Поведение Англии и Франции в ходе переговоров с Советским Союзом полностью подтвердило, что ни о каком серьёзном соглашении с СССР они и не помышляют, ибо политика Англии и Франции направлялась другими целями, не имеющими ничего общего с интересами мира и борьбы с агрессией;

3. Коварный замысел англо-французской политики заключался в том, чтобы дать понять Гитлеру, что у СССР нет союзников, что СССР изолирован, что Гитлер может напасть на СССР, не рискуя встретиться с противодействием со стороны Англии и Франции.

Ввиду этого не приходится удивляться тому, что англо-франко-советские переговоры закончились провалом.

Этот провал был, конечно, не случайным. Становилось всё более очевидным, что срыв переговоров был заранее запланирован представителями западных держав в их двойной игре. Дело в том, что наряду с открытыми переговорами с СССР **англичане вели закулисные переговоры с Германией, и этим последним они придавали несравненно большее значение.**

Если своими переговорами в Москве правящие круги западных держав стремились прежде всего усыпить бдительность общественного мнения своих стран, обмануть народы, втягиваемые в войну, то переговоры с гитлеровцами носили другой характер.

Программа англо-германских переговоров была достаточно ясно сформулирована министром иностранных дел Англии Галифаксом, который обращался к гитлеровской Германии с недвусмысленными призывами в то

самое время, когда его чиновники продолжали вести переговоры в Москве. 29 июня 1939 года в речи на банкете в королевском институте международных сношений Галифакс выразил готовность договориться с Германией по всем вопросам, «внушающим миру тревогу». Он говорил:

«В такого рода новой атмосфере мы могли бы обсудить колониальную проблему, вопрос о сырье, о торговых барьерах, о «жизненном пространстве», об ограничении вооружений и все другие вопросы, затрагивающие европейцев» [1].

Если вспомнить, как трактовала проблему «жизненного пространства» близкая к Галифаксу консервативная газета «Дейли мейл» ещё в 1933 году, предлагая гитлеровцам отхватить от СССР «жизненное пространство», то не остаётся ни малейшего сомнения в действительном смысле заявления Галифакса. Это было открытое предложение договориться о разделе мира и сфер влияния, обращённое к гитлеровской Германии, предложение решить все вопросы без Советского Союза и главным образом за счёт Советского Союза.

Ещё в июне 1939 года представители Англии начали в строгой тайне переговоры с Германией через приехавшего в Лондон уполномоченного Гитлера по четырёхлетнему плану Вольтата. С ним беседовали английский министр по делам заморской торговли Хадсон и ближайший советник Чемберлена Г. Вильсон. Содержание этих июньских переговоров пока ещё погребено в тайниках дипломатических архивов. Но в июле Вольтат вторично посетил Лондон, и переговоры были возобновлены. Содержание этого второго тура переговоров теперь известно из имеющихся в распоряжении Советского Правитель-

[1] «Речи по международной политике лорда Галифакса», Оксфорд, Лондон 1940, стр. 296.

ства германских трофейных документов, которые вскоре увидят свет.

Хадсон и Г. Вильсон предложили Вольтату, а затем германскому послу в Лондоне Дирксену начать секретные переговоры о заключении широкого соглашения, которое включало бы в себя соглашение о разделе сфер влияния в мировом масштабе и об устранении «убийственной конкуренции на общих рынках». При этом предусматривалось предоставление Германии преобладающего влияния в юго-восточной Европе. Дирксен в своём донесении германскому министерству иностранных дел от 21 июля 1939 года указывал, что программа, обсуждавшаяся Вольтатом и Вильсоном, охватывала политические, военные и экономические положения. Среди политических положений отводилось особое место, наряду с пактом о ненападении, пакту о невмешательстве, который должен был включать «разграничение жизненных пространств между великими державами, особенно же между Англией и Германией»[1].

При обсуждении вопросов, связанных с заключением этих двух пактов, английские представители обещали, что в случае подписания этих пактов Англия откажется от только что предоставленных ею гарантий Польше.

Данцигский вопрос, как и вопрос о польском коридоре, англичане готовы были в случае заключения англо-германского соглашения предоставить немцам решать с Польшей один на один, обязавшись не вмешиваться в их разрешение.

Далее, и это также документально подтверждается донесениями Дирксена, которые вскоре будут опубликованы, Вильсон подтвердил, что в случае заключения указанных выше пактов между Англией и Германией

[1] Записка германского посла в Англии Дирксена от 21 июля 1939 г., Архив германского министерства иностранных дел.

английская гарантийная политика будет фактически ликвидирована.

«Тогда Польша, — отмечает по этому поводу в своём донесении Дирксен, — была бы, так сказать, оставлена в одиночестве лицом к лицу с Германией».

Всё это означало, что правители Англии были готовы выдать Польшу на растерзание Гитлеру в то самое время, когда ещё не обсохли чернила, которыми были подписаны английские гарантии Польше.

Вместе с тем в случае заключения англо-германского соглашения была бы достигнута цель, которую ставили перед собой Англия и Франция, начиная переговоры с Советским Союзом, и была бы ещё более облегчена возможность ускорения столкновения между Германией и СССР.

Наконец, политическое соглашение между Англией и Германией предполагалось дополнить экономическим соглашением, включающим в себя тайную сделку по колониальным вопросам, по распределению сырья, по разделу рынков, а также о крупном английском займе для Германии.

Итак, правителям Англии рисовалась заманчивая картина прочного соглашения с Германией и так называемая «канализация» германской агрессии на Восток против недавно «гарантированной» ими Польши и против Советского Союза.

Удивительно ли, что клеветники и фальсификаторы истории тщательно замалчивают и пытаются скрыть эти факты, имеющие решающее значение для понимания той обстановки, в которой война становилась, таким образом, неизбежной.

К этому времени не могло быть уже никаких сомнений в том, что Англия и Франция не только не были намерены всерьёз что-либо предпринять для того, чтобы по-

мешать гитлеровской Германии развязать войну, но, наоборот, делали всё от них зависящее, чтобы методами тайных сговоров и сделок, методами всевозможных провокаций натравить гитлеровскую Германию на Советский Союз.

Никаким фальшивомонетчикам не удастся выкинуть ни из истории, ни из сознания народов тот решающий факт, что в этих условиях выбор, стоявший перед Советским Союзом, был таков:

либо принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении договора о ненападении и тем самым обеспечить Советскому Союзу продление мира на известный срок, который мог быть использован Советским государством в целях лучшей подготовки своих сил для отпора возможному нападению агрессора,

либо отклонить предложение Германии насчёт пакта о ненападении и тем самым позволить провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втравить Советский Союз в вооружённый конфликт с Германией в совершенно невыгодной для Советского Союза обстановке, при условии полной его изоляции.

В этой обстановке Советское Правительство оказалось вынужденным сделать свой выбор и заключить с Германией пакт о ненападении.

Этот выбор явился дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке. Этот шаг Советского Правительства в огромной степени предопределил благоприятный для Советского Союза и для всех свободолюбивых народов исход второй мировой войны.

Было бы грубой клеветой утверждать, что заключение пакта с гитлеровцами входило в план внешней политики СССР. Наоборот, СССР всё время стремился к тому, чтобы иметь соглашение с западными неагрессивными госу-

дарствами против немецко-итальянских агрессоров в целях осуществления коллективной безопасности на началах равенства. Но соглашение есть обоюдный акт. Если СССР добивался соглашения о борьбе с агрессией, то Англия и Франция систематически отвергали его, предпочитая вести политику изоляции СССР, политику уступок агрессорам, политику направления агрессии на Восток, против СССР. Соединённые Штаты Америки не только не противодействовали такой пагубной политике, а, наоборот, всячески поддерживали её. Что касается американских миллиардеров, то они продолжали вкладывать свои капиталы в немецкую тяжёлую промышленность, помогали немцам развернуть свою военную промышленность и вооружали, таким образом, немецкую агрессию, как бы приговаривая: «воюйте, господа европейцы, на здоровье, воюйте с божьей помощью, а мы, скромные американские миллиардеры, будем наживаться на вашей войне, зашибая сотни миллионов долларов сверхприбылей».

Понятно, что при таком положении дел в Европе Советскому Союзу оставался один выход: принять предложение немцев о пакте. Это был всё же лучший выход из всех возможных выходов.

Как в 1918 году ввиду враждебной политики западных держав Советский Союз оказался вынужденным заключить Брестский мир с немцами, так и теперь, в 1939 году, через 20 лет после Брестского мира, Советский Союз оказался вынужденным заключить пакт с немцами ввиду той же враждебной политики Англии и Франции.

Разговоры всякого рода клеветников о том, что СССР всё же не должен был позволить себе пойти на пакт с немцами, нельзя рассматривать иначе, как смехотворные. Почему Польша, имея союзников в лице Англии

и Франции, могла пойти на пакт с немцами о ненападении в 1934 году, а Советский Союз, находившийся в менее благоприятных условиях, не мог пойти на такой пакт в 1939 году? Почему Англия и Франция, представлявшие господствующую силу в Европе, могли пойти на совместную с немцами декларацию о ненападении в 1938 году, а Советский Союз, изолированный благодаря враждебной политике Англии и Франции, не мог пойти на пакт с немцами?

Разве это не факт, что из всех неагрессивных больших держав Европы Советский Союз был последней державой, которая пошла на пакт с немцами?

Конечно, фальсификаторы истории и прочие реакционеры недовольны тем, что Советскому Союзу удалось умело использовать советско-немецкий пакт в целях укрепления своей обороны, что ему удалось раздвинуть свои границы далеко на запад и преградить путь беспрепятственному продвижению немецкой агрессии на Восток, что гитлеровским войскам пришлось начать своё наступление на Восток не с линии Нарва — Минск — Киев, а с линии, проходившей на сотни километров западнее, что СССР не истёк кровью в Отечественной войне, а вышел из войны победителем. Но это недовольство относится уже к области бессильной злобы провалившихся политиков.

Злобное недовольство этих господ можно рассматривать лишь как демонстрацию того несомненного факта, что политика Советского Союза была и остаётся правильной политикой.

IV.

СОЗДАНИЕ «ВОСТОЧНОГО» ФРОНТА, НАПАДЕНИЕ ГЕРМАНИИ НА СССР, АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ И ВОПРОС О МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЯХ

Заключая советско-немецкий пакт ненападения в августе 1939 года, Советский Союз ни на минуту не сомневался, что рано или поздно Гитлер нападёт на СССР. Такая уверенность Советского Союза вытекала из основной политической и военной установки гитлеровцев. Она подтверждалась практической деятельностью гитлеровского правительства за весь предвоенный период.

Поэтому первая задача Советского Правительства состояла в том, чтобы создать «восточный» фронт против гитлеровской агрессии, построить линию обороны у западных границ белорусских и украинских земель и организовать таким образом барьер против беспрепятственного продвижения немецких войск на Восток. Для этого нужно было воссоединить Западную Белоруссию и Западную Украину, захваченные панской Польшей в 1920 году, с Советской Белоруссией и с Советской Украиной и выдвинуть сюда советские войска. С этим делом нельзя было медлить, так как плохо снабжённые польские войска оказались неустойчивыми, польское командование и польское Правительство находились уже в бегах, и гитлеровские войска, не встречая серьёзного препятствия, могли занять

белорусские и украинские земли раньше, чем придут туда советские войска.

17 сентября 1939 года по приказу Советского Правительства советские войска перешли довоенную советско-польскую границу, заняли Западную Белоруссию и Западную Украину и развернули там строительство обороны вдоль западной линии украинских и белорусских земель. Это была в основном та самая линия, которая известна в истории как «линия Керзона», установленная на Версальской конференции союзников.

Спустя несколько дней после этого Советским Правительством были подписаны пакты о взаимопомощи с Прибалтийскими государствами, предусматривавшие размещение на территории Эстонии, Латвии и Литвы гарнизонов Советской Армии, организацию советских аэродромов и создание военно-морских баз.

Таким образом был создан фундамент «восточного» фронта.

Не трудно было понять, что создание «восточного» фронта является серьёзным вкладом не только в дело организации безопасности СССР, но и в общее дело миролюбивых государств, ведущих борьбу против гитлеровской агрессии. Тем не менее, англо-франко-американские круги в своём преобладающем большинстве ответили на этот шаг Советского Правительства злобной антисоветской кампанией, квалифицируя его как агрессию.

Впрочем, нашлись и такие политические деятели, у которых оказалось достаточно проницательности для того, чтобы понять смысл советской политики и признать правильным создание «восточного» фронта. Среди них первое место принадлежит г. Черчиллю, тогда ещё военно-морскому министру, который в своём выступлении по радио 1 октября 1939 года, после ряда недружелюбных выпадов против Советского Союза, заявил:

«То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть. Когда г-н фон Риббентроп был вызван на прошлой неделе в Москву, то это было сделано для того, чтобы он ознакомился с этим фактом и признал, что замыслам нацистов в отношении Балтийских государств и Украины должен быть положен конец».

Если на западных границах СССР в значительном отдалении от Москвы, Минска и Киева дело с безопасностью СССР обстояло более или менее удовлетворительно, то нельзя было сказать то же самое насчёт северной границы СССР. Здесь на расстоянии каких-либо 32 километров от Ленинграда стояли финские войска, командный состав которых в своём большинстве ориентировался на гитлеровскую Германию. Советскому Правительству хорошо было известно, что фашистские элементы руководящих кругов Финляндии, тесно связанные с гитлеровцами и имевшие большое влияние в финской армии, стремятся захватить Ленинград. Нельзя было считать случайностью тот факт, что начальник Генерального штаба гитлеровской армии Гальдер ещё летом 1939 года приехал в Финляндию для инструктирования высших руководителей финской армии. Трудно было сомневаться в том, что финские руководящие круги состоят в союзе с гитлеровцами, что они хотят превратить Финляндию в плацдарм для нападения гитлеровской Германии на СССР.

Не удивительно поэтому, что все попытки СССР найти общий язык с финляндским Правительством в деле улучшения отношений между обеими странами остались безуспешными.

Правительство Финляндии отклонило одно за другим

все дружественные предложения Советского Правительства, направленные на обеспечение безопасности СССР и, в частности, Ленинграда, несмотря на то, что Советский Союз пошёл навстречу Финляндии в удовлетворении её законных интересов.

Финляндское Правительство отклонило предложение СССР отодвинуть финскую границу на Карельском перешейке на несколько десятков километров, хотя Советское Правительство соглашалось взамен этого уступить Финляндии вдвое большую территорию Советской Карелии.

Финляндское Правительство отклонило также предложение СССР о заключении пакта о взаимопомощи, показав этим, что безопасность СССР со стороны Финляндии остаётся необеспеченной.

Этими и другими подобными враждебными действиями и провокациями на советско-финской границе Финляндия развязала войну с Советским Союзом.

Результаты советско-финской войны известны. Границы СССР на северо-западе и, в частности, в районе Ленинграда были отодвинуты, и безопасность СССР была укреплена. Это сыграло важную роль в обороне Советского Союза против гитлеровской агрессии, поскольку гитлеровской Германии и её финским пособникам пришлось начинать своё наступление на северо-западе СССР не под самым Ленинградом, а с линии, находившейся от него почти на 150 километров к северо-западу.

В своей речи на сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года В. М. Молотов заявил:

«...Советский Союз, разбивший финскую армию и имевший полную возможность занять всю Финляндию, не пошёл на это и не потребовал никакой контрибуции в возмещение своих военных расходов, как это сделала бы всякая другая держава, а ограничил свои пожелания минимумом...»

«Никаких других целей, кроме обеспечения безопасности Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги, мы не ставили в Мирном Договоре».

Следует отметить, что несмотря на то, что всей своей политикой в отношении СССР финские правящие круги играли на руку гитлеровской Германии, англо-французские заправилы Лиги Наций сразу же стали на сторону финляндского Правительства, объявили через Лигу Наций СССР «агрессором» и тем самым открыто одобрили и поддержали начатую финскими правителями войну против Советского Союза. Лига Наций, запятнавшая себя попустительством и поощрением японских и немецко-итальянских агрессоров, по приказу англо-французских заправил послушно проголосовала резолюцию против Советского Союза, демонстративно «исключив» СССР из Лиги Наций.

Мало этого. В развязанной финскими реакционерами войне против Советского Союза Англия и Франция всячески помогали финской военщине. Англо-французские правящие круги не переставали подстрекать финляндское Правительство к продолжению военных действий.

Англо-французские правители систематически снабжали Финляндию оружием и энергично готовили к отправке в Финляндию стотысячный экспедиционный корпус.

За три месяца, прошедшие с начала войны, Англия, по заявлению Чемберлена в палате общин 19 марта 1940 года, передала Финляндии сто один самолёт, свыше двухсот орудий, сотни тысяч снарядов, авиационных бомб и противотанковых мин. Одновременно Даладье сообщил Палате Депутатов, что Франция передала Финляндии 175 самолётов, около 500 орудий, пять с лишним тысяч пулемётов, миллион снарядов и ручных гранат и разное другое вооружение.

О планах британского и французского Правительств

этого времени полностью можно судить по памятной записке, переданной англичанами шведам 2 марта 1940 года, в которой говорилось:

«Союзные правительства понимают, что военное положение Финляндии становится отчаянным. После тщательного рассмотрения всех возможностей они пришли к выводу, что единственным средством, при помощи которого они могут оказать эффективную помощь Финляндии, является посылка союзных войск, и они готовы послать такие войска в ответ на финскую просьбу» [1].

В это время, как об этом заявил 19 марта в английском парламенте Чемберлен,

«подготовка к отправке экспедиционных частей велась с максимальной быстротой, и экспедиционная армия была готова к отправке в начале марта... за два месяца до того срока, который назначил фельдмаршал Маннергейм для их прибытия».

Чемберлен добавил, что численность этих частей достигала 100.000 человек.

Одновременно и французское Правительство готовило свой экспедиционный корпус в 50.000 человек первой очереди для направления в Финляндию через Нарвик.

И эту воинственную активность англо-французские правители развивали в то время, когда на фронте против гитлеровской Германии Англия и Франция не проявляли никакой активности и когда велась там так называемая «странная война».

Но военная помощь Финляндии против Советского Союза являлась лишь частью более широкого замысла англо-французских империалистов.

---

[1] Нота британской миссии от 2 марта 1940 года, «Белая книга» МИД Швеции, Стокгольм 1947, стр. 120.

В упомянутой «Белой книге» шведского министерства иностранных дел имеется документ, принадлежащий шведскому министру иностранных дел Гюнтеру. В этом документе говорится, что

«посылка этого контингента войск входила в общий план нападения на Советский Союз», и что этот план, «начиная с 15 марта, будет введён в действие против Баку, а ещё ранее — через Финляндию» [1].

В своей книге «Де Голль — диктатор» Керрилис об этом плане писал следующее:

«Согласно этому плану, основные черты которого изложил мне Поль Рейно [2] в письме, хранящемся у меня, моторизованный экспедиционный корпус, высадившись в Финляндии, через Норвегию быстро расшвырял бы беспорядочные орды России и пошёл бы на Ленинград...» [3]

Этот план разрабатывали во Франции де Голль и генерал Вейган, командовавший тогда французскими войсками в Сирии, который похвалялся, что:

«с некоторыми подкреплениями и двумя сотнями самолётов он овладел бы Кавказом и вошёл бы в Россию, как «нож в масло».

Известен также разработанный французским генералом Гамеленом в 1940 году план военных действий англо-французов против СССР, в котором особенное внимание уделялось бомбардировке Баку и Батуми.

Подготовка англо-французских правителей к нападению на СССР шла полным ходом. В генеральных штабах Англии и Франции усердно разрабатывались планы та-

---

[1] «Заметки Гюнтера для памяти 2 марта 1940 г.», «Белая книга» МИД Швеции, Стокгольм 1947, стр. 119.

[2] В то время член французского Правительства.

[3] *Анри де Керрилис,* Де Голль — диктатор, Монреал 1945, стр. 363—364.

кого нападения. Эти господа хотели **вместо войны с гитлеровской Германией начать войну против Советского Союза.**

Но планам этим осуществиться было не суждено. Финляндия в это время была разгромлена советскими войсками и вынуждена была капитулировать, несмотря на все усилия Англии и Франции воспрепятствовать её капитуляции.

12 марта 1940 года был подписан советско-финский мирный договор.

Таким образом было улучшено дело обороны СССР против гитлеровской агрессии также и на севере, в районе Ленинграда с отодвижением линии обороны на 150 километров севернее Ленинграда до Выборга включительно.

Но это ещё не означало, что уже закончено сформирование «восточного» фронта от Балтийского моря до Чёрного моря. Пакты с Прибалтийскими государствами были заключены, но там не было ещё советских войск, могущих держать оборону. Молдавия и Буковина были формально воссоединены с СССР, но и там не было ещё советских войск, могущих держать оборону. В середине июня 1940 года советские войска вступили в Эстонию, Латвию, Литву. 27 июня того же года советские войска вступили в Буковину и в Молдавию, оторванную Румынией у СССР после Октябрьской революции.

Таким образом было закончено формирование «восточного» фронта от Балтийского моря до Чёрного моря против гитлеровской агрессии.

Англо-французские руководящие круги, продолжавшие ругать СССР агрессором из-за создания им «восточного» фронта, видимо, не отдавали себе отчёта в том, что появление «восточного» фронта означает коренной перелом в развитии войны — против гитлеровской тирании, — в пользу победы демократии.

Они не понимали, что речь шла не об ущемлении или неущемлении национальных прав Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, а о том, чтобы предотвратить превращение этих стран в бесправную колонию гитлеровской Германии путём организации победы над нацистами.

Они не понимали, что речь шла о том, чтобы создать преграду продвижению немецких войск во всех районах, где только это было возможно, устроить крепкую оборону, а потом перейти в контрнаступление, разбить гитлеровские войска и тем создать возможность для свободного развития этих стран.

Они не понимали, что других путей для победы над гитлеровской агрессией не существует.

Правильно ли поступило английское Правительство, разместив свои войска во время войны в Египте, несмотря на протесты египтян и даже на сопротивление некоторых элементов в Египте? Безусловно, правильно! Это было важнейшее средство преградить путь гитлеровской агрессии в сторону Суэцкого канала, оградить Египет от покушений со стороны Гитлера, организовать победу над Гитлером и предотвратить таким образом превращение Египта в гитлеровскую колонию. Только враги демократии или сумасшедшие могут утверждать, что действия английского Правительства в данном случае представляли агрессию.

Правильно ли поступило Правительство Соединённых Штатов Америки, высадив свои войска в Касабланке, несмотря на протесты марокканцев и прямое военное противодействие со стороны правительства Петэна во Франции, власть которого распространялась на Марокко? Безусловно, правильно! Это было серьёзнейшее средство создать базу противодействия немецкой агрессии в непосредственной близости к Западной Европе, органи-

зовать победу над гитлеровскими войсками и создать таким образом возможность освобождения Франции от гитлеровского колониального гнёта. Только враги демократии или сумасшедшие могли расценивать эти действия американских войск как агрессию.

Но то же самое нужно сказать о действиях Советского Правительства, организовавшего к лету 1940 года «восточный» фронт против гитлеровской агрессии и разместившего свои войска возможно дальше на запад от Ленинграда, Москвы, Киева. Это было единственное средство преградить дорогу беспрепятственному продвижению немецких войск на Восток, создать крепкую оборону, а потом перейти в контрнаступление для того, чтобы разбить совместно с союзниками гитлеровскую армию и предотвратить таким образом превращение миролюбивых стран Европы, в том числе Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, в гитлеровскую колонию. Только враги демократии или сумасшедшие могли квалифицировать эти действия Советского Правительства как агрессию.

Но из этого следует, что Чемберлен, Даладье и их окружение, квалифицировавшие эту политику Советского Правительства как агрессию и организовавшие исключение Советского Союза из Лиги Наций, — действовали, как враги демократии или как сумасшедшие.

Из этого следует, далее, что нынешние клеветники и фальсификаторы истории, подвизающиеся в содружестве с г.г. Бевином и Бидо и квалифицирующие создание «восточного» фронта против Гитлера как агрессию, действуют так же, как враги демократии или как сумасшедшие.

Что было бы, если бы СССР не создал «восточного» фронта ещё до нападения Германии — далеко на западе от старых границ СССР, если бы этот фронт проходил не по линии Выборг — Каунас — Белосток — Брест — Львов,

а по старой границе Ленинград — Нарва — Минск — Киев?

Это дало бы возможность войскам Гитлера выиграть пространство на сотни километров, приблизив немецкий фронт к Ленинграду — Москве — Минску — Киеву на 200—300 километров, серьёзно ускорило бы продвижение немцев в глубь СССР, ускорило бы падение Киева и Украины, привело бы к захвату Москвы немцами, привело бы к захвату Ленинграда соединёнными силами немцев и финнов и заставило бы СССР перейти на длительную оборону, что дало бы немцам возможность высвободить на востоке дивизий пятьдесят для высадки на английские острова и для усиления немецко-итальянского фронта в районе Египта. Вполне вероятно, что английскому Правительству пришлось бы эвакуироваться в Канаду, а Египет и Суэцкий канал попали бы под власть Гитлера.

Но это не всё. СССР был бы вынужден перебросить большую часть своих войск с маньчжурской границы на «восточный» фронт для усиления своей обороны, а это дало бы возможность японцам высвободить до 30 дивизий в Маньчжурии и направить их против Китая, против Филиппин, против Юго-Восточной Азии вообще, в конечном счёте — против американских вооружённых сил на Дальнем Востоке.

Всё это привело бы к тому, что война затянулась бы по крайней мере ещё года на два, и вторая мировая война была бы окончена не в 1945 году, а в 1947 году или несколько позже.

Так обстояло дело с вопросом о «восточном» фронте.

Между тем события на Западе шли своим чередом. В апреле 1940 года немцы заняли Данию и Норвегию. В середине мая немецкие войска вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург. 21 мая немцы вышли к Ла-

маншу и отрезали союзников во Фландрии. В конце мая английские войска эвакуировали Дюнкерк, покинули Францию и направились в Англию. В середине июня пал Париж. 22 июня Франция капитулировала перед Германией.

Таким образом Гитлер растоптал все и всякие декларации ненападения с Францией и Англией.

Это был полный провал политики умиротворения, политики отказа от коллективной безопасности, политики изоляции СССР.

Стало ясно, что, изолировав СССР, Франция и Англия разбили единый фронт свободолюбивых стран, ослабили себя и сами оказались изолированными.

1 марта 1941 года немцы заняли Болгарию.

5 апреля СССР подписал пакт ненападения с Югославией.

22 июня того же года Германия напала на СССР.

Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия вступили в войну против Советского Союза на стороне Германии.

Советский Союз вступил в освободительную войну против гитлеровской Германии.

Различные круги Европы и Америки по-разному отнеслись к этому событию.

Порабощённые Гитлером народы вздохнули с облегчением, решив, что Гитлер сломает себе шею между двумя фронтами, западным и «восточным».

Правящие круги Франции злорадствовали, не сомневаясь в том, что «Россия будет разбита» в самый короткий срок.

Видный член сената Соединённых Штатов Америки, а теперь президент США г. Трумэн через день после нападения Германии на СССР заявил:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать

будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают как можно больше» [1].

Аналогичное заявление сделал в 1941 году в Великобритании тогдашний министр авиационной промышленности Мур Брабазон, заявивший, что, поскольку это касается Великобритании, лучшим исходом борьбы на восточном фронте было бы взаимное истощение Германии и СССР, вследствие чего Англия смогла бы занять господствующее положение.

Эти выступления, несомненно, явились выражением позиции реакционных кругов США и Великобритании.

Однако подавляющее большинство английского и американского народов было настроено в пользу СССР, требуя объединения с Советским Союзом для успешной борьбы против гитлеровской Германии.

Отражением этих настроений нужно считать заявление премьер-министра Великобритании г. Черчилля 22 июня 1941 года о том, что

«опасность для России является нашей опасностью и опасностью США так же, как дело каждого русского, борющегося за свою землю и дом, является делом свободных людей и свободных народов в любой части земного шара».

Такую же позицию в отношении СССР заняло правительство Рузвельта в США.

Этим было положено начало англо-советско-американской коалиции против гитлеровской Германии.

Антигитлеровская коалиция поставила себе целью разгром гитлеровского режима и освобождение порабощённых гитлеровской Германией народов. Несмотря на различие в идеологии и экономической системе отдельных

[1] «Нью-Йорк таймс», 24 июня 1941 года.

союзных государств, англо-советско-американская коалиция стала могучим союзом народов, объединивших свои усилия в освободительной борьбе против гитлеризма.

Конечно, и тогда, во время войны, имели место разногласия между союзниками по некоторым вопросам. Известно, например, какое значение имели разногласия по таким важным вопросам, как вопрос об открытии второго фронта, вопрос об обязанностях союзников, об их моральном долге друг перед другом.

Хватаясь за эти разногласия, фальсификаторы истории и всякого рода клеветники стараются «доказать», вопреки очевидности, что СССР не был и не мог быть верным и искренним союзником в борьбе с гитлеровской агрессией. Но так как совместная борьба против гитлеровской Германии и поведение СССР в этой борьбе не дают никаких материалов в пользу такого обвинения, они обращаются к прошлому, к предвоенному периоду, утверждая, что во время «переговоров» с Гитлером в Берлине в 1940 году представители Советского Союза вели себя вероломно, не по-союзнически.

Они уверяют, что во время берлинских «переговоров» обсуждались и принимались вероломные «планы раздела Европы», территориальные притязания Советского Союза «к югу от Советского Союза в направлении к Индийскому океану», «планы» о Турции, Иране, Болгарии и другие «проблемы». Клеветники используют в этих целях донесения немецких послов и других гитлеровских чиновников, всякие записки и немецкие проекты каких-то «протоколов» и других подобных «документов».

Что же на самом деле произошло в Берлине? Нужно сказать, что так называемые «берлинские переговоры» 1940 года являлись на самом деле не чем иным, как ответным визитом В. М. Молотова на две поездки Риббентропа в Москву. Имевшие место беседы касались,

главным образом, советско-германских отношений. Гитлер старался превратить их в базу для широкого соглашения между германской и советской сторонами. Советская сторона, наоборот, использовала их для зондажа, для прощупывания позиции немецкой стороны, не имея никакого намерения заключать какое-либо соглашение с немцами. В этих беседах Гитлер считал, что Советскому Союзу следовало бы приобрести выход к Персидскому заливу, заняв Западный Иран и нефтяные промыслы англичан в Иране. Он говорил, далее, что Германия могла бы помочь Советскому Союзу урегулировать дело со своими претензиями к Турции вплоть до исправления договора в Монтре о проливах, при этом совершенно игнорируя интересы Ирана, он тщательно оберегал интересы Турции, явно рассматривая её как настоящую или во всяком случае как будущую свою союзницу. Что касается Балканских стран и Турции, то Гитлер рассматривал их как сферу влияния Германии и Италии.

Из этих бесед Советское Правительство сделало следующие выводы: Германия не дорожит связями с Ираном; Германия не связана и не думает связаться с Англией, — значит Советский Союз может иметь в лице Англии надёжного союзника против гитлеровской Германии; балканские государства либо уже куплены и превращены в сателлитов Германии (Болгария, Румыния, Венгрия), либо порабощены вроде Чехословакии, или стоят на пути к порабощению вроде Греции; Югославия является единственной балканской страной, на которую можно рассчитывать как на будущую союзницу антигитлеровского лагеря; Турция либо уже связана тесными узами с гитлеровской Германией, либо намерена связаться с ней.

Сделав эти полезные выводы, Советское Правительство не возвращалось больше к каким-либо беседам по

изложенным вопросам, несмотря на неоднократные напоминания Риббентропа.

Как видно, это был зондаж, прощупывание позиции гитлеровского правительства со стороны Советского Правительства, которое не завершилось и не могло завершиться каким-либо соглашением.

Допустим ли такой зондаж позиции противника со стороны миролюбивых государств? Безусловно допустим. И не только допустим, но представляет иногда прямую политическую необходимость. Необходимо только, чтобы зондаж происходил с ведома и согласия союзников и чтобы результаты зондажа были сообщены союзникам. Но у Советского Союза не было тогда союзников, он был изолирован и он, к сожалению, не мог поделиться с ними результатами зондажа.

Следует отметить, что аналогичный, хотя и дурно пахнущий, зондаж позиции гитлеровской Германии был произведён представителями Англии и Соединённых Штатов Америки уже **во время** войны, **после** организации антигитлеровской коалиции: Англия — Соединённые Штаты Америки — СССР. Это явствует из документов, захваченных советскими войсками в Германии.

Из этих документов видно, что осенью 1941 года, а также в 1942 и в 1943 годах в Лиссабоне и в Швейцарии происходили переговоры за спиной СССР между представителями Англии и Германии, а потом между представителями Соединённых Штатов Америки и Германии по вопросу о заключении мира с Германией.

В одном из документов, — приложении к донесению заместителя германского министра иностранных дел Вейцзекера, — излагается ход этих переговоров в Лиссабоне в сентябре 1941 года. Из этого документа видно, что 13 сентября состоялась встреча сына лорда Биверброка Эйткена, офицера английской армии, впоследствии

члена английского парламента, представлявшего Англию, с венгром Густавом фон Кевером, действовавшим по поручению германского министерства иностранных дел, как можно судить об этом по письму германского генерального консула в Женеве Крауэля на имя Вейцзекера.

В этих переговорах Эйткен прямо поставил вопрос: «Нельзя ли было бы использовать наступающие зиму и весну для того, чтобы за кулисами обсудить возможности мира?»

Другие документы говорят о переговорах, которые происходили между представителями Правительств США и Германии в феврале 1943 года в Швейцарии. Эти переговоры со стороны США вёл специальный уполномоченный Правительства США Аллен Даллес (брат Джона Фостера Даллеса), фигурировавший под конспиративной фамилией «Балл» и имевший «непосредственные поручения и полномочия из Белого Дома». Его собеседником с германской стороны был князь М. Гогенлоэ, близкий к правящим кругам гитлеровской Германии и действовавший в качестве гитлеровского представителя под вымышленной фамилией «Паульс». Документ, содержащий изложение этих переговоров, принадлежал гитлеровской службе безопасности (S. D.).

Как видно из документа, в беседе были затронуты важные вопросы, касавшиеся Австрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии, и, что особенно важно, вопрос о заключении с Германией мира.

В этой беседе А. Даллес (Балл) заявил, что

«никогда впредь не будет допущено, чтобы народы подобно германскому были вынуждены на отчаянные эксперименты и героизм из-за несправедливости и нужды. Германское государство должно остаться существовать как фактор порядка и восстановления.

О разделе его или об отделении Австрии не может быть речи».

Касаясь Польши, Даллес (Балл) заявил, что

«... путём расширения Польши в сторону востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии следует поддержать создание санитарного кордона против большевизма и панславизма» [1].

Далее в записи беседы отмечается, что

«М-р Балл более или менее согласен с государственной и промышленной организацией Европы, на основе больших пространств, полагая, что федеративная Великая Германия (подобная США) с примыкающей к ней Дунайской конфедерацией будет лучшей гарантией порядка и восстановления Центральной и Восточной Европы» [2].

Даллес (Балл) также заявил, что он вполне признаёт притязания германской промышленности на ведущую роль в Европе.

Нельзя не отметить, что этот зондаж был произведён англичанами и американцами без ведома и согласия их союзника — Советского Союза, причём Советскому Правительству ничего не было сообщено о результатах этого зондажа даже в порядке последующей информации.

Это могло означать, что Правительства США и Англии сделали попытку вступить в данном случае на путь переговоров с Гитлером о сепаратном мире.

Ясно, что такое поведение Правительств Англии и США нельзя рассматривать иначе, как нарушение элементарных требований союзнического долга и союзнических обязательств.

---

[1] «Беседа Паульс — м-р Балл», из немецких архивных документов.

[2] См. цитированный выше документ.

Выходит, что фальсификаторы истории, обвиняя СССР в «неискренности», валят здесь с больной головы на здоровую.

Не может быть сомнения, что фальсификаторам истории и прочим клеветникам известны эти документы. И если они скрывают их от общественного мнения, умалчивая о них в своей клеветнической кампании против СССР, то это потому, что они боятся, как чумы, исторической правды.

Что касается разногласий по вопросу об открытии второго фронта, то здесь сказалось различное понимание обязанностей союзников в их отношениях друг к другу. Советские люди считают, что если союзник попал в беду, то его надо выручать всеми доступными средствами, что нужно относиться к своему союзнику не как к временному попутчику, а как к другу, радуясь его успехам, радуясь его усилению. Представители англичан и американцев не согласны с этим и считают такую мораль наивностью. Они исходят из того, что сильный союзник опасен, что усиление союзника не в их интересах, что лучше иметь слабого союзника, чем сильного, а если он всё же усиливается, — нужно принять меры к его ослаблению.

Всем известно, что в англо-советском коммюнике, так же как и в советско-американском коммюнике в июне 1942 г., англо-американцами было взято на себя обязательство открыть второй фронт в Европе ещё в 1942 году. Это было торжественное обещание, если хотите — клятва, которая должна была быть выполнена в срок ради облегчения войск Советского Союза, которые несли в первый период войны всю тяжесть отпора германскому фашизму. Но известно также и то, что это обещание не было выполнено ни в 1942 году, ни в 1943 году, несмотря на то, что Советское Правительство неодно-

кратно заявляло, что Советский Союз не может примириться с откладыванием второго фронта.

Политика откладывания второго фронта была отнюдь не случайной. Она питалась устремлением тех реакционных кругов в Англии и США, которые преследовали свои цели в войне с Германией, не имевшие ничего общего с освободительными задачами борьбы против германского фашизма. В их планы не входила задача полного разгрома германского фашизма. Они были заинтересованы в подрыве мощи Германии и, главным образом, в устранении Германии как опасного конкурента на мировом рынке, исходя из своих узко корыстных целей. Но в их намерения отнюдь не входило освобождение Германии и других стран от господства реакционных сил, являющихся постоянными носителями империалистической агрессии и фашизма, как не входило и осуществление коренных демократических преобразований.

Вместе с тем они строили расчёты на ослабление СССР, на его обескровление и на то, что в результате изнурительной войны СССР надолго потеряет своё значение как великая и мощная держава и попадёт после войны в зависимость от Соединённых Штатов Америки и Великобритании.

Понятно, что Советский Союз не может считать нормальными подобные отношения к союзнику.

Полной противоположностью такой политике является политика, проводимая СССР в межсоюзнических отношениях. Эта политика характеризуется неизменно бескорыстным, последовательным и честным выполнением принятых на себя обязательств, готовностью всегда оказать товарищескую помощь своему союзнику. Советский Союз в минувшую войну дал примеры такого подлинно союзнического отношения к другим странам — боевым товарищам по борьбе с общим врагом.

Вот один из таких фактов.

Как известно, в конце декабря 1944 года гитлеровские войска предприняли наступление на западном фронте в районе Арденн, прорвали фронт и поставили англо-американские войска в тяжёлое положение. По утверждению союзников немцы хотели, нанеся удар на Льеж, разгромить 1-ю американскую армию, выйти к Антверпену, отрезать 9-ю американскую, 2-ю британскую и 1-ю канадскую армии и устроить союзникам второй Дюнкерк, чтобы вывести Англию из войны.

В связи с этим 6 января 1945 года У. Черчилль обратился к И. В. Сталину с посланием следующего содержания:

«На Западе идут очень тяжёлые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению наш эмиссар главный маршал авиации Теддер вчера вечером находился в Каире, будучи связанным погодой. Его поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он ещё не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января, и любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзен-

хауэра, причём лишь при условии сохранения её в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным».

7 января 1945 года И. В. Сталин направил У. Черчиллю следующий ответ:

«Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года.

К сожалению, главный маршал авиации г-н Теддер ещё не прибыл в Москву.

Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку, и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем всё, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

В ответном послании И. В. Сталину У. Черчилль писал 9 января:

«Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему благородному предприятию полная удача!»

Желая ускорить помощь союзным войскам на западе, Верховное Главнокомандование советских войск решило передвинуть срок наступления против немцев на советско-германском фронте с 20 января на 12 января. 12 января началось большое наступление советских войск на

широком фронте от Балтийского моря до Карпат. Было приведено в движение 150 советских дивизий с большим количеством артиллерии и авиации, которые прорвали немецкий фронт и отбросили немецкие войска на сотни километров.

12 января немецкие войска на западном фронте, в том числе 5-я и 6-я танковые армии, нацеленные для нового удара, прекратили своё наступление и в течение 5—6 дней были выведены из фронта и переброшены на восток — против наступающих советских войск. Наступление немецких войск на западе было сорвано.

17 января 1945 года У. Черчилль писал И. В. Сталину:

«Я очень благодарен Вам за Ваше послание и я очень рад, что Маршал Авиации Теддер произвёл на Вас такое благоприятное впечатление.

От имени Правительства Его Величества и от всей души я хочу выразить Вам нашу благодарность и поздравления по случаю того гигантского наступления, которое Вы начали на Восточном фронте.

Вам, несомненно, теперь известны планы генерала Эйзенхауэра, и в какой степени осуществление их было задержано расстраивающим наступлением Рундштедта. Я уверен, что на всём нашем фронте бои будут итти непрерывно. Британская 21-я армейская группа под командованием фельдмаршала Монтгомери начала сегодня наступление в районе к югу от Роермонда».

В приказе И. В. Сталина по советским войскам в феврале 1945 года об этом наступлении советских войск говорилось:

«В январе нынешнего года Красная Армия обрушила на врага небывалый по силе удар на всём фронте от Балтики до Карпат. Она взломала на протяжении 1.200 километров мощную оборону немцев, кото-

рую они создавали в течение ряда лет. В ходе наступления Красная Армия быстрыми и умелыми действиями отбросила врага далеко на запад.

Успехи нашего зимнего наступления привели прежде всего к тому, что они сорвали зимнее наступление немцев на Западе, имевшее своей целью захват Бельгии и Эльзаса, и дали возможность армиям наших союзников в свою очередь перейти в наступление против немцев и тем сомкнуть свои наступательные операции на Западе с наступательными операциями Красной Армии на Востоке».

Так действовал И. В. Сталин.

Так действуют настоящие союзники в общей борьбе.

* *

Таковы факты.

Конечно, фальсификаторы истории и клеветники потому и называются фальсификаторами и клеветниками, что они не питают уважения к фактам. Они предпочитают иметь дело со сплетней, с клеветой. Но нет оснований сомневаться в том, что этим господам всё же придётся в конце концов признать одну всем известную истину, состоящую в том, что сплетня и клевета гибнут, а факты остаются.

Советское информационное бюро.

Подписано к печати 18 февраля 1948 г. А00616.
Объём 5 п. л. Тираж 2.000.000 (500.001—1.500.000)
Заказ № 7883. Цена 1 руб.

1-я Образцовая типография треста «Полиграфкнига» Огиза при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.

1 руб.

Школьные учебники СССР

sheba.spb.ru/shkola